

Четвертый коготь дракона

Автор:

[Александр Руж](#)

Четвертый коготь дракона

Александр Руж

Анита Моррьентес #2Колоритный детектив

1849 год. Путешествуя по Швейцарии, Анита Моррьентес и ее муж Алекс знакомятся с занятыми попутчиками – американцем Грином и щеголеватым юношей, путешествующим инкогнито. Неожиданная ссора в купе вынуждает всю компанию выйти на станции, в результате чего супруги и их попутчики отстают от поезда. Это неожиданно оборачивается большой удачей: на поезд нападают неизвестные бандиты, преследующие юного щеголя. Происходит череда перестрелок, но Максимовым и их спутникам удается спастись. А позже они узнают, что щеголеватый юноша – сам австрийский император Франц-Иосиф. Он инкогнито приезжал в Швейцарию, чтобы свидеться со своей возлюбленной – некой Жозефиной, и это далеко не последняя его встреча с Анитой и Алексом...

Александр Руж

Четвертый коготь дракона

Пролог

Сначала была тьма, и ничего, кроме тьмы.

– Да будет свет! – произнес надтреснутый мужской голос, и сей же час вспыхнул огонь, озарив свод и стены герметичного подвального помещения без окон и с единственной дверью.

Через эту дверь только что вошли двое: старик с длинными серебристыми волосами, которые сплетались с такими же серебристыми усами и бородой, делавшей его похожим на джинна из восточных сказаний, и молодая девушка высокого роста, с белокурыми локонами. На старике были матерчатые нарукавники и кожаный фартук, на девушке – темное платье с белым передником и черная косынка – типичный наряд монастырских сестер милосердия. В руке старик держал прозрачную банку со встроенным в нее стеклянным сосудом без дна. Цинковая пластина внутри сосуда омывалась маслянистой жидкостью, а над банкой ровно горело яркое желтое пламя.

– Что это, отец? – спросила девушка с живым интересом. – Я никогда не видела таких приборов.

– Это водородное огниво, – ответил старик. – Германское изобретение... Цинк взаимодействует с серной кислотой и выделяет водород, который воспламеняется, если открыть вот этот клапан. Там, на полке, еще один такой же светильник. Отвинти крышку и заправь его кислотой. Видишь бутылку у стены? Только осторожно: если кислота попадет на кожу, она сожжет тебя...

Девушка огляделась и увидела стоявшие в ряд три вместительные бутылки. Поднатужившись, приподняла одну, налила немного содержимого в горелку. Старик завинтил крышку, открыл выпускной клапан. Лепесток пламени выпорхнул из горлышка банки.

– У меня есть восковые свечи, но они – скорее дань традиции, атрибут прошлого. Мне скоро семьдесят, однако я стараюсь поспевать за прогрессом...

Старик пристроил обе лампы на столе, и огонь осветил все углы таинственного закутка, напоминавшего алхимическую лабораторию. Повсюду расставлены были емкости из стекла, металла и других материалов: колбы, реторты, бутылки, аламбики. Некоторые из них снабжались цедильными конусами, вставленными в воронки и удерживающими фильтровальное сукно. В кюленевом горшке – толстостенной посудине с короткой узкой шейкой – плескался фиолетовый раствор. Тут же притулилась бронзовая ступка с тончайшим порошком, а подле

нее – волосяное сито. Мерная рюмка с делениями, термометр, гигрометр, пирометр, ареометр... Справа от двери – потемневшая от реактивов ванна, слева – металлический бак с краником. Удивительно было, как все это удалось поместить в такой тесноте.

– Ты похож на древнего мага, – промолвила девушка благоговейно, – а это – твоя колдовская пещера...

– Счастье, что мне удалось наткнуться на эту камеру. Здесь мне никто не мешает, я могу заниматься своим делом...

– Как ты ее нашел?

– Случайно. Когда-то в ней, по всей видимости, держали особо опасных узников. Полная звуконепроницаемость, изоляция от внешнего мира. Как попасть сюда, знали только избранные, которых уже не осталось в живых. И вот я открыл это подземелье для себя... Теперь и ты знаешь, где оно находится. Поклянись, что будешь держать язык за зубами!

– Клянусь, отец!

– Хорошо... Сейчас я покажу тебе результат моих трудов. Отойди подальше.

Девушка попятилась, вжалась в угол. Атмосфера лаборатории внушала невольный трепет. Старик натянул плотные нитяные рукавицы, надел на седую голову колпак в виде птичьей головы, наподобие тех, что носили средневековые доктора во время чумных эпидемий, приоткрыл «клюв», бросил туда несколько желтых гранул.

– Это вещество, способное нейтрализовать любой токсин, – прогудел он из-под маски.

Затем со всеми предосторожностями извлек из деревянного сундучка, стоявшего под столом и разделенного на квадратные ячейки, узкую пробирку, заполненную чем-то белесым. Полюбовался ею на свет.

– Это она? – с придыханием спросила девушка.

– Она самая, – кивнул старец. – Смерть. Беспощадная и мучительная. Не смотри, что объем этой пробирки ничтожно мал. В ней сидит демон, способный погубить целые народы...

В своем остроклювом шлеме он был похож на грозное древнеегипетское божество, и слова изрекал страшные, наполнявшие сердце ледяным холодом. Плечи девушки под темным платьем заметно подрагивали.

– И ты собираешься выпустить этого демона на волю? – спросила она полушепотом, не спуская глаз с пробирки.

– Это будет крайнее средство. Я не прибегну к нему до тех пор, пока не иссякнет надежда решить вопрос малой кровью... Все зависит от тебя. Я верю в твои способности, в твою хитрость и ловкость...

– Я не подведу, – пообещала девушка неожиданно окрепшим голосом. – Особенно теперь, когда я узнала, какое чудовищное зло ты держишь в этом стеклянном сосуде...

Новые нотки в ее тоне заставили старика встрепенуться. Его рука с наполовину утонувшей в рукавице пробиркой застыла в воздухе. А девушка отделилась от стены, вынула из-под передника капсюльный бундэльревольвер, в просторечии именуемый перечницей, и направила его дуло прямо в клювастую морду.

– Что за выходки, Марта? – спросил опешивший старец. – Спрячь оружие! Вокруг – емкости с химическими веществами. Если ты повредишь хоть одну из них...

– Не беспокойся, я стреляю метко. – Девушка нажала на спуск и сшибла пулей пустую колбу со стола. – Убедился?

– Что ты делаешь! – испугался старик. – Нас услышат...

– Ты говорил, что здесь идеальная звуконепроницаемость... А теперь подойди сюда и брось пробирку в ванну.

– Я не стану этого делать!

- Станешь. Иначе следующая пуля достанется тебе.

Старик на негнущихся ногах подошел к ванне. Девушка посторонилась. Она двигалась, как рысь на мягких лапах, и при этом держала старика цепким взглядом, а револьвер в полусогнутой руке сидел как влитой.

- Бросай!

Старик, помедлив, разжал пальцы, пробирка брякнулась о дно ванны. Стекло разбилось, мутная субстанция растеклась лужицей.

- Теперь бери бутыль, - скомандовала девушка. - Лей в ванну кислоту.

Старик повиновался. Кряхтя, приподнял тяжелую бутыль, положил боком на край ванны, опорожнил. Кислота покрыла осколки, смешалась с содержимым пробирки.

Поведение девушки сразу переменялось.

- Демона нет! - сказала она буднично, почти весело. - Он стерт с лица земли.

- Мне ничего не стоит создать нового. Процесс освоен, дело за малым...

- Ты больше ничего не создашь. Когда на одной чаше весов - жизнь отдельного человека, а на другой - тысячи... как ты думаешь, что я выберу?

- Кто ты? - просипел старик. - Кому ты служишь?

- Я служу закону и порядку. Мог бы и сам догадаться.

- Значит, тебя нарочно подослали ко мне? Я был слеп... Верил, что ты предана мне всей душой... ты была для меня как родная дочь!

- Я хотела, чтобы все было именно так. Иначе мне не удалось бы войти к тебе в доверие и попасть в твоё святилище. Но комедия окончена, пора опускать занавес.

Старик отступил к двери, протянул руку к рычагу, которым отпирался замок.

– Отойди в сторону! – приказала амазонка и качнула револьвером.

На это он и рассчитывал. Сдвинулся влево, за спиной оказался бак. Рука, заведенная назад, нащупала сквозь рукавицу краник. Рукавица мешала, но снять ее означало привлечь лишнее внимание.

– Пирос найдет тебя! – заявил старый ученый. – Если ты меня застрелишь, он найдет тебя где угодно...

Девушка засмеялась, точно он сморозил несусветную глупость.

– Твоему выродку ни за что до меня не добраться! Моего настоящего имени он не знает. Послезавтра я буду уже в Вене, а потом... надо подумать, куда отправиться потом. Награда за выполнение миссии будет щедрой, я смогу ни в чем себе не отказывать...

Старику наконец-то удалось уцепить скользкий краник.

Плавный поворот муфты на сто восемьдесят градусов. Еле слышное шипение.

Старик заговорил громче:

– Думаешь, вы одни такие умные? В Вене у нас тоже есть свои люди. Они нанесут ответный удар, как только получат приказ...

Она подступила вплотную, уперла ствол револьвера ему в подключье.

– Кто они? Ты знаешь их имена? Назови!

– А что мне за это будет? Ты все равно меня убьешь...

Поторговаться, потянуть время! Всего-то и надо – выгадать три-четыре минуты.

Амазонка насупилась, косынка съехала ей на брови.

– Я не уполномочена решать твою судьбу. Но сегодня я могу сохранить тебе жизнь. Передам в центр, что ты располагаешь важными сведениями. Остальное решат там.

Старик закапризничал:

– Они вытянут из меня все, что я знаю, а потом прикончат!

– У тебя есть шанс выкрутиться. Империя нуждается в талантливых ученых...

Голос девушки прервался, она закашлялась. Глаза у нее раскрывались все шире, дыхание учащалось.

– Что со мной? – пробормотала она, словно в бреду. – Почему все плывет?.. Мне не хватает воздуха!

Старик скользнул вбок, револьвер смотрел теперь в стену над баком. Лицо девушки исказилось.

– Это твои проделки? – Ее повело, она едва устояла. – Я тебя пристрелю...

Револьвер плясал в ее руке. Старик без труда выдернул его, толкнул девушку к ванне.

– Нет! – простонала она, задыхаясь. – Я не...

Она прижала обе руки к пышной груди и обмякла на полу возле ванны. Еще через минуту все было кончено.

Старик поскорее закрутил краник на баке, приподнял труп, перекинул его через край ванны. Вылил на тело погибшей амазонки кислоту из всех имевшихся в подzemелье бутылей. В горле першило, замкнутое пространство было перенасыщено ядовитыми парами, не спасала даже защитная маска с сильнодействующим антитоксином. Надо было срочно уходить.

Старик погасил обе водородные горелки, бросил скорбный взгляд на труп, залитый кислотой и постепенно покрывающийся черными разводами, осенил себя крестным знаменем, торопливо вышел из лаборатории и закрыл тяжелую дверь.

Глава первая

Тихий омут

Дым и копоть. – Шесть пассажиров. – Разговорчивый сосед. – Ода техническому прогрессу. – Островок спокойствия в мире хаоса. – Нахальный юнец. – Максимов ввязывается в международный конфликт. – Killwangen. – Воспитательная беседа. – Под прицелом. – По ком звонит колокольчик. – Гонка на шарабане. – Короткая дорога. – Вредное свойство буковых деревьев. – Как на Диком Западе! – «Смуглянка Бесс». – Первые и вторые. – Гремучая ртуть. – Двенадцать трупов в одном вагоне.

Маленький смешной паровозик, похожий на слегка скособоченный самовар, который зачем-то водрузили на подставку с четырьмя колесами, тащил за собой состав из пяти вагонов – четырех пассажирских и одного почтового. На вагонных крышах громоздились тюки и чемоданы с багажом. Косматый шлейф дыма, вырывавшийся из паровозной трубы, обволакивал их смрадным облаком. Из-за этой завесы живописные швейцарские пейзажи, расстилавшиеся вокруг, блекли и казались черно-серыми – как на фотопластинке скверного качества.

Вагон первого класса был разделен перегородками на несколько отделений – по шесть сидячих мест в каждом. В одном из таких отделений ехала семейная пара: российская подданная испанского происхождения Анита Моррьентес и ее супруг – военный инженер, майор в отставке Алексей Максимов. Они второй год путешествовали по Европе, побывали в Германии, Франции и недели три назад перебрались в Швейцарию. Пожили немного в Лозанне, в Берне, в Базеле, после чего Максимов уговорил Аниту съездить в Цюрих. Не то чтобы в этом городе находилось что-то неординарное, мимо чего нельзя было пройти, – просто Максимов, имевший в России непосредственное отношение к железнодорожному строительству, решил прокатиться по первой и пока единственной в Швейцарии

чугунной магистрали, шедшей как раз из Базеля в Цюрих.

И вот они уже второй час катились по немилосердно жесткой колее. Анита, обычно со стойкостью переносившая качку и тряску, проклинала ту минуту, когда дала мужу согласие на поездку. Хотя он-то, следует отметить, сделал все, чтобы обеспечить им максимальный комфорт. Билеты взял в вагон первого класса – единственный, где окна были забраны стеклами. Вагоны второго и третьего классов продувались насквозь, пассажиры, сидевшие в них, глотали паровозный дым и коптились, как дичь на костре.

Анита была благодарна Алексу за заботу, но, посидев немного в своей комфортабельной клетушке, подумывала уже о том, не перебраться ли во второй класс. Стоял июнь, лето выдалось жаркое, и в закупоренном вагоне, набитом людьми, было совершенно нечем дышать. Анита пробовала обмахиваться веером из страусовых перьев, однако это не приносило ни малейшего облегчения.

Зато сосед четы Максимовых – молодой американец в простецком немарком парусиновом пиджаке и таких же парусиновых штанах по моде гемуэзских моряков – от путешествия был в полном восторге. На языках континентальной Европы он изъяснялся с трудом и, когда узнал, что Анита худо-бедно знает английский, избрал ее мишенью для своих речей во славу технического прогресса.

– Деятнадцатый век – век великого прорыва! – тараторил он так бойко, что Анита едва поспевала за его скороговоркой. – Между Базелем и Цюрихом – полсотни миль, и мы преодолеем их со всеми остановками меньше, чем за три часа. Двадцать миль в час, представляете, миссис? Полвека назад никому и не снилась такая скорость...

– К этой бы скорости добавить немного удобства, – уныло заметила Анита, ерзая в тесном пространстве между Максимовым и еще одним соседом – молчаливым пожилым усачом в офицерском мундире.

– Удобства? – мгновенно отозвался американец. – Да, в этом отношении Европе есть чему поучиться... У нас в Пенсильвании десять лет назад появились спальные вагоны. Правда, перегородок там нет, – он постучал по дощатой стене у себя за спиной, – зато трехъярусные полки, соломенные матрасы... При

желании можно захватить с собой в дорогу подушку и одеяло и чувствовать себя как дома!

Анита вообразила себя лежащей на соломенном тюфяке на третьей полке в помещении, больше похожем на передвижной загон для скота, и порадовалась тому, что она не в Пенсильвании и ей не предстоит удовольствие коротать в поезде ночь.

Максимов, по-английски понимавший слабо, нашел себе другого собеседника, с которым сидел vis-?-vis у затушеванного копотью окна. То был солидный тучный швейцарец, живший близ Женевы, на самой границе с Бургундией, и потому изъяснявшийся на вполне правильном французском.

– Понравилась ли вам наша страна? – как истинный патриот, вопрошал толстяк.

– Хорошая страна, – тактично отвечал Максимов. – Меня радует, что в том аду, который представляет собой нынешняя Европа, существует островок спокойствия.

– Это вы очень верно сказали. Посмотрите вокруг: в Германии – революция, во Франции – революция, в Испании – мятеж... в Италии, Австро-Венгрии, Польше – куда ни взгляни, везде творятся какие-то беспорядки. И только у нас, в самом сердце континента, все тихо и спокойно. Была полтора года назад Зондербундская война, но она, хвала всем святым, длилась меньше месяца...

– Разве это война? – разомкнул уста доселе молчавший седоусый офицер. – Восемь десятков погибших, ни одного мало-мальски серьезного сражения. Чепуха, а не война! – И, повернувшись к Максиму, доверительно прибавил: – Я тогда состоял при его превосходительстве генерале Дюфуре, лично наблюдал, как он железной рукой пресек смуту.

Американец (он назвался Джеймсом Грином) Аните надоел, его трескотня действовала на нервы. Он уже поведал ей всю свою биографию – от раннего детства и до настоящего момента. Грин оказался практичным не только в одежде, он был коммерческим агентом компании, занимавшейся производством нового технического чуда – машины для механического шитья.

– Триста стежков в минуту, миссис! – захлебывался он от восхищения. – Когда устроили соревнование между десятью профессиональными швеями и одним дилетантом, вооруженным машиной, запатентованной мистером Хоу, швеи проиграли вчистую!

Аните все это было неинтересно, и она, делая вид, будто продолжает слушать, стала потихоньку рассматривать шестого и последнего спутника – худого стройного юношу, по виду почти мальчика, с пухлыми чувственными губами, волнистыми волосами, зачесанными вправо, чуть вытянутым лицом и усиками щеточкой. Юноша выглядел натуральным щеголем: его черный сюртук, широкий в груди, изрядно суживался к талии, отчего верхняя часть туловища походила на фужер для шампанского. К сюртуку прилагались брюки в обтяжку, яркий шейный платок попугайской расцветки и пристроенный на коленях цилиндр, напоминавший Аните перевернутое ведро, к которому зачем-то приклепали неширокие поля.

Анита терпеть не могла таких франтов. По счастью, сюртуки, оканчивавшиеся чуть ниже пупа, и обтягивающие панталоны, из-под которых неприлично выпирало причинное место, с середины сороковых годов стали выходить из моды. Алекс, например, уже давно носил достаточно широкие штаны и светлый пиджак, длинный настолько, чтобы скрыть все интимности. Однако этот юнец, похоже, за ультрасовременными веяниями не следил.

За всю дорогу он не произнес ни единого слова. Сидел угрюмый, погруженный в себя, и вертел в руках то ли стек, то ли хлыстик – вещь абсолютно бесполезную, предназначенную лишь для того, чтобы чем-то занять руки. Оглядев юнца как следует, Анита нахмурилась. Подросток еще, ему бы больше подошла гимназическая куртка, а он туда же – норовит выглядеть записным фатом. И куда только родители смотрят?

– По мне, лучшая в мире армия – австрийская, – разговорился меж тем усатый вояка, приглаживая ладонями свои обширные залысины. – Фельдмаршал Радецкий – настоящий гений, равных ему, пожалуй, и не сыщется...

– Так уж и не сыщется? – поморщился Максимов. – А по мне, австрияки – никудышные воины. Как славно поколотили их в прошлом году в Милане!

Безмолвный юноша внезапно вскочил с места, занес над головой свой хлыстик и прошипел сквозь зубы на ломаном французском:

- Вы забываетесь, сударь! Я этого так не оставлю!

В его голосе и во всей позе было столько патетики, что Анита улыбнулась. Цилиндр-ведро, свалившись с колен хозяина, покатился по полу. Максимов, не поднимаясь с места, хладнокровно перехватил тонкую руку, сжимавшую хлыстик, сдавил ее, словно тисками. Спросил не столько с недовольством, сколько с интересом:

- Что вам не понравилось в моих словах, молодой человек?

- Вы оскорбили австрийскую армию, и я требую, чтобы вы немедленно извинились!

- А вы австриец? - любопытствовала Анита.

- Да, - с достоинством ответил щеголь, хотел добавить еще что-то, но сдержался.

Максимов отпустил его руку, промолвил наставительно:

- Следовало бы задать вам взбучку за непочтительное отношение к старшим, но на первый раз воздержусь. Вагонные споры - последнее дело.

Тут бы конфликту и улечься, но австрийский отрок оказался настырным.

- Это уже второе оскорбление! - забушевал он с новой силой, убрав, однако, хлыстик за спину. - На сей раз личное!

- Надо же! - делано изумился Максимов. - Я и не заметил.

- Алекс, - сочла нужным вмешаться Анита, - оставь его в покое.

Остальные пассажиры, сидевшие рядом, молчали, прислушиваясь к перепалке соседей. Происшествие их забавляло.

- Чего вы хотите? – спросил Максимов уже без иронии.

- Сатисфакции! – торжественно провозгласил юнец. – Сейчас же!

- Прямо здесь, в поезде?

Борец за честь австрийского мундира секунду помешкал, но затем сказал, как отрезал:

- На ближайшей станции. Не думаю, что это займет много времени.

- Что ж, – проговорил Максимов медленно и как бы задумчиво. – На станции так на станции. Эта вам подойдет? – Он кивнул на окно.

Состав замедлял ход, мимо прополз аккуратный домишко с табличкой, на которой значилось: «Killwangen».

- Мне все равно, – ответствовал австриец. – Кто из господ согласится быть нашими секундантами?

- Я готов! – подскочил Джеймс Грин с такой поспешностью, точно боялся, что это почетное право украдет у него кто-то другой.

- Я тоже к вашим услугам, – степенно склонил голову седоусый и украдкой шепнул Максиму: – Вы же это не всерьез?

Швейцарец почел за благо не вмешиваться и сделал вид, будто увлечен разглядыванием дивных изумрудных лугов, простиравшихся за станционными сооружениями. Поезд остановился.

- Идемте! – нетерпеливо выкрикнул фат с хлыстиком, поднял с пола свой цилиндр и нахлобучил на голову. – Стоянка недолгая. Нам надо успеть.

Он первым направился по проходу к двери наружу. За ним поспешил американец. Пожилой офицер задержался, поджидая Максимова.

– Алекс, – сказала Анита, нервическим движением поправляя на шее жемчужное ожерелье, – ты же не собираешься убивать этого мальчика?

– Нет, конечно, – успокоил ее Максимов. – Проведу с ним воспитательную беседу, на том и кончим. Остаешься здесь, я скоро вернусь.

– Вот еще! – возмутилась Анита и схватила свой ридикюль, с которым предпочитала не расставаться. – Оставить тебя одного, чтобы ты наделал глупостей? Я иду с тобой!

По правде сказать, она не столько беспокоилась за супруга (была уверена, что ему удастся утихомирить заносчивого мальчонку), сколько хотела пусть на несколько минут выбраться из душегубки на свежий воздух.

Максимов не стал вдаваться в дискуссию.

– Пошли!

Сойдя с поезда, они завернули за угол вокзального домика. Там, на пустыре, топтался молодой австрияк. Джеймс Грин стоял подле него и в предвкушении увлекательного зрелища потирал руки.

– Здесь нас никто не увидит, – сказал он. – Джентльмены могут без помех выяснить отношения.

Максимов решил, что пора приступить к дипломатическим переговорам. Драться с сопляком было бы глупо, но и терять лицо ни в коем разе не хотелось. Он решил зайти с другого конца.

– Милостивый государь, – произнес Максимов подчеркнуто вежливым тоном, обращаясь к противнику. – Полагаю, вы не станете отрицать, что дуэль между благородными людьми должна проводиться строго по правилам. Ее участники обязаны соблюдать регламент. Начнем с того, что у нас нет оружия. Приобрести его до отхода поезда не представляется возможным. Посему нам волей-неволей

придется отложить дело до Цюриха...

В багаже Максимова лежала парочка неплохих револьверов, но упоминать об этом он благоразумно не стал. Анита мысленно одобрила ход его суждений: до Цюриха ехать еще час с лишним, за это время австрияк остынет и можно будет без ущерба для репутации заключить мировую.

Но пылкий вьюнош без колебаний парировал:

– Оружие у меня есть. Вот оно, – и продемонстрировал увесистый пистолет системы Карла Ульриха (где он только прятал такую громоздкую штуковину в своем облегающем одеянии?).

– Стреляться из одного пистолета? – хмыкнул Максимов. – Как вы себе это представляете?

– Можно по очереди... – ответил австриец уже не так уверенно, как прежде.

И тут встрял дурак-американец. Он выволок из недр своего просторного парусинового костюма шестизарядный «Кольт Уолкер» сорок четвертого калибра и сунул в руку Максиму.

– Для бравого парня ничего не жалко! Эта игрушка вас не подведет.

«Идиот!» – едва не выкрикнула Анита. Приключение, которое поначалу выглядело забавным, принимало все более угрожающий оборот.

Где-то на перроне мелодично звякнул колокольчик.

– «Я един со всем человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол...» – торжественно продекламировал австриец.

– Не думал, что вы такой знаток Джона Донна, – процедил Максимов, взвешивая в руке тяжелый «кольт».

– Между прочим, это сигнал к отправлению поезда, – заметил седоусый. – Вам надо поторопиться, господа.

– Стреляемся сейчас же! – заявил юнец. – На большое расстояние разойтись не получится, нас могут увидеть с платформы.

Соперники встали по углам здания. Австрияк отбросил в сторону свой хлыстик и взял пистолет на изготовку. Максимов озадаченно вертел «кольт» в руках – ситуация вышла из-под контроля, и он не знал, что предпринять.

Между ними шагов восемь, прикинула Анита. С такой дистанции даже слепой не промахнется! Безотчетный ужас заполз в ее сердце. Сразу перестала ощущаться жара, сделалось знобко, по спине побежали мурашки. Анита увидела, с каким хладнокровием и, что важнее, с каким умением целит в Максимова расфранченный молокосос. Он убьет Алекса! – екнуло в груди. Убьет и глазом не моргнет. В сей миг явилось в облике юнца нечто величественное, почти монументальное. Так держат себя люди, обладающие огромной властью и привыкшие распоряжаться чужими судьбами.

– Алекс! – рванулась Анита вперед. – Прекратите... не смейте!

Усатый офицер крепко взял ее за руку.

– Madame, – молвил он сурово, – это мужское дело, они сами разберутся.

Максимов, приняв трудное решение, вскинул револьвер на уровень глаз, навел мушку австрияку в лоб, прямиком под прилизанную челку.

– Стреляйте по команде, на счет «три», – предупредил Грин, не желавший оставаться сторонним наблюдателем. И принялся громогласно отсчитывать: – Один, два...

– Ну и шут с тобой! – сердито воскликнул Максимов по-русски. – Хочешь околеть – околей!

– ...три!

Услышав реплику про шута, австриец вдруг переменился в лице. Его рука, сжимавшая пистолет, резко дернулась кверху, и пуля, предназначенная Максимова, ушла в небо. В ту же секунду Анита вырвалась из хватки седоусого,

бросилась к мужу и толкнула его в локоть правой руки, в которой он держал «кольт». Револьвер изрыгнул пламя, выдохнул пороховой дым. Пуля щелкнула о стену кильвангенского вокзальчика и срикошетила в кусты. Со стены посыпалась иссушенная солнцем штукатурка.

Никто толком не понял, что произошло. Австриец стоял бледный, его пятерня с «Ульрихом» мелко дрожала.

– Вы... русский? – проговорил он, не скрывая волнения.

– Русский, – подтвердил Максимов. – А какое вам до этого дело? Желаете продолжить поединок?

Он вошел в азарт, Аните пришлось двинуть его под ребро – чтобы остепенился. По счастью, австрияк не проявлял более никакой агрессивности. Он спрятал пистолет, подошел к Максиму и коротко, но учтиво поклонился.

– Прошу простить меня, monsieur. Если бы я знал, что вы из России, то повел бы себя иначе. Поверьте, мне очень жаль, что между нами вышло недоразумение... Хорошо, что оно не имело печальных последствий.

– Да уж! – буркнул Максимов, недовольный тем, что дуэль прервалась на самом захватывающем месте. – Но кто вы, черт возьми?

Ответить юноша не успел. Пожилой швейцарский военный прислушался к чему-то удаляющемуся и возопил что было силы:

– Поезд! Наш поезд ушел!

Все пятеро, не сговариваясь, бросились на перрон. Выскочив из-за угла, увидели, как базельский состав, разгоняясь, удаляется в восточном направлении. В небе колыхался черный дымный плюмаж – словно локомотив издевательски помахивал отставшим пассажирам на прощание.

Из станционного домика высыпали напуганные выстрелами служащие. Австрийский юнец шагнул к ним, стал что-то говорить по-немецки столь бегло, что не оставалось сомнений – это его родной язык. А еще в голосе его

слышались приказные нотки.

Анита удивлялась все сильнее: кто же он в самом деле, этот мальчик, который ведет себя с такой королевской уверенностью? Вот один из железнодорожных служаек попытался что-то возразить, мальчик строго прикрикнул на него, но затем сунул ему в руку горсть франков, уже фактически ставших единой валютой этого еще недавно разделенного на суверенные кантоны государства. Кнут и пряник, все верно. Служащие моментально испарились – наверное, их слизала языком та упитанная корова, что паслась на лугу недалеко от станции.

Австриец вернулся к своим попутчикам. Застал их оживленно переговаривающимися.

– Следующий поезд будет только завтра, – говорил со знанием дела седоусый военный. – И это очень скверно, поскольку я должен непременно быть в Цюрихе сегодня вечером. У меня приказ – проинспектировать гвардейский корпус...

– Корпус может подождать, – бурчал Джеймс Грин, – а вот то, что вместе с поездом уехали образцы моих швейных машин, мне совсем не нравится.

– Думаете, их украдут? – осведомился Максимов, возвращая Грину «кольт».

– Украсть могут не машину, а идею. Это гораздо хуже. Она, конечно, запатентована, но я слышал, в Швейцарии немало талантливых механиков. Скопируют конструкцию, внесут кое-какие изменения и будут продавать как собственное изобретение.

– Мне кажется, вы плохо думаете о швейцарцах...

В разговор вмешался австриец, и внимание сразу переключилось на него.

– Господа, – сказал он, – так как неприятность произошла по моей вине, я все исправлю. Мы догоним поезд.

– Как? – удивился Грин. – В этой дыре есть резервный паровоз?

– Паровоза нет. Но мы поступим проще. Вот, смотрите. – И австриец показал рукою на невесть откуда взявшийся шарабан, который подкатили к перрону две чалые лошади (ими правил один из служащих железной дороги, тот, что получил от австрийца щедрую плату). – Мы прекрасно поместимся.

– Спешу вас разочаровать, сударь, – сказал Максимов. – На эдакой колымаге, даже с хорошими лошадьми и по ровной дороге, мы едва ли сделаем более пятнадцати миль в час. Поезд движется быстрее, и мы уже дали ему приличную фору. Нам его не догнать.

– Кучер знает короткий путь. Он обещает, что мы настигнем состав у Шпрайтенбаха. Это следующая станция.

– Едем, Алекс! – Анита пихнула мужа в плечо. – Если и не догоним, то попросим, чтобы нас отвезли прямо в Цюрих. Здесь уже не так далеко.

– А наш багаж?

– Что с ним может случиться в дороге? Вероника присмотрит.

Вероникой звали верную служанку Максимовых, которую они взяли с собой в заграничное путешествие. Она ехала во второклассном вагоне, вместе с публикой попроще.

Вся компания, не теряя времени, взгромоздилась в шарабан. Деревянные скамьи были узкими и занозистыми, но в сложившихся обстоятельствах никто и не вздумал на это сетовать. Возница взмахнул кнутом, что-то гаркнул, и лошади рванулись с места. Шарабан довольно ходко покатился по проселочной дороге, шедшей под углом к рельсовой колее. Максимов стал с беспокойством смотреть на чугунку, от которой они отъезжали все дальше и дальше. Кучер, обернувшись, перехватил этот взгляд, отрывисто пробормотал несколько слов на немецком.

– Скажите, любезный, – обратился к нему Максимов, – нельзя ли прибавить?

Возница не отреагировал. За него ответил седоусый:

– Здесь, в немецкоговорящей Швейцарии, мало кто понимает по-французски... Но вы не беспокойтесь, мы успеем.

Шарабан трясло немилосердно, шатало из стороны в сторону. Анита вцепилась в Максимова, чтобы не вывалиться за борт. К горлу подступила тошнота. Мужчины старались держаться так, будто им все нипочем, хотя по лицам некоторых было заметно, что их тоже мутит.

Строений вокруг становилось все меньше, а пастбищ с коровами все больше. Луга, луга, сплошная зелень, пересекаемая кое-где извилистыми прожилками ручейков с переброшенными через них ладными мостиками. Наконец впереди показался небольшой буковый лесок, а за ним, в просветах между деревьями, блеснули рельсы. Дорога, по которой дробно грохотал шарабан, вела прямо туда.

Максимов привстал, вытянул шею.

– Прозевали! Не видно никакого поезда...

– Он еще не подъехал, – спокойно сказал седоусый. – Мы опередили его на несколько минут. Сейчас двинемся вдоль железнодорожного полотна в сторону Шпрайтенбаха. Возможно, мы будем там даже раньше нашего состава.

Анита уже начала верить, что все закончится благополучно, но тут одно из колес предательски хрустнуло, шарабан грузно осел на правый бок, его пассажиры повалились друг на друга, а возница, проскрипев замысловатое ругательство, натянул поводья. Послушные лошади встали. Максимов первым спрыгнул на землю, заглянул под брюхо перекосившегося рыдвана.

– Поздравляю! Ось сломана...

Возница, чертыхаясь, полез осматривать повреждение. Максимов помог спуститься Аните и остальным. Грин замер, к чему-то прислушиваясь.

– А вот и поезд!

Издали донеслись натужное пыхтение и лязг, которые не могли свидетельствовать ни о чем ином, кроме приближения паровоза и вагонов. Задира-австриец, привыкший, видно, командовать в любых условиях, провозгласил тоном, не допускавшим возражений:

- Вперед! Мы еще можем успеть...

Возражать, собственно, было нечего – он предложил то единственное, что можно было предложить. Оставив кучера возиться со сломанной осью, компания из пяти человек ринулась к двум тускло посверкивавшим металлическим жилам, которые вибрировали и стонали, как гитарные струны, тронутые рукою музыканта.

Анита в своих длинных юбках сразу отстала. На ней было дорожное облачение, но и оно, в силу действовавших законов приличия, имело немалый объем, а длинный подол цеплялся за любые, даже самые микроскопические, неровности почвы. Максимов задержался, взял ее за руку, потянул за собой.

- Быстрее! Быстрее! – торопил мальчишка-австриец, вырвавшийся на несколько шагов вперед и раздраженно оглядывавшийся на медлительных спутников.

Они опоздали – выскочили к насыпи, когда локомотив уже пронесся мимо. Австриец хотел схватиться за ажурные перильца, окружавшие открытую площадку с торца одного из вагонов, но пальцы соскользнули, и он чуть не угодил под колеса, которые несомненно перемололи бы его изящное стройное тело в малоаппетитный фарш.

Седоусый отдернул его назад.

- Незачем рисковать жизнью из-за ерунды!

Когда стало очевидно, что поезд они упустили, Анита сразу успокоилась и принялась рассуждать логически.

До ближайшей станции рукой подать. Добраться туда будет несложно, даже если не удастся починить шарабан. А уж там наверняка они достанут и повозку, и лошадей и сегодня же будут в Цюрихе.

Но вышло совсем не так.

Едва последний вагон промелькнул перед незадачливыми путешественниками, как сбоку что-то громко затрещало, и на пути, в нескольких саженях перед паровозом, рухнуло могучее дерево. Сочный хряск, с которым переломился ствол, гулкий звук удара о рельсы и шорох листвы, обволакивавшей крону, на мгновение заглушили шум поезда. Тут же раздался душераздирающий визг тормозов. Локомотивом управлял опытный механик, но и ему не хватило реакции, чтобы остановить поезд перед таким негаданным препятствием.

Локомотив – старый добрый аппарат, построенный Ньюкаслским заводом по типу знаменитого «Rocket», – ткнулся рылом в шелестящую преграду, заскрежетав всеми своими частями. Сила его была столь велика, что он едва не своротил дерево с рельсов, но все же вынужден был остановиться. Две фигурки – механик и кочегар – соскочили наземь. На некоторое время наступила почти полная тишина, если не считать приглушенного гула голосов, раздававшегося из запертых вагонов.

– Что за оказия? – проговорил озадаченный военный. – Первый раз вижу, чтобы такой мощный бук свалился сам по себе.

Но Аните уже бросилось в глаза обстоятельство, которое другие пока игнорировали. Бук упал не сам собой – он был срублен, она даже за сотню шагов разглядела наспех искромсанный топорами комель.

А дальше все развивалось, как в романах Фенимора Купера. Из рожицы выскочили двое в черных балахонах, с ружьями в руках. Они одновременно выпалили в механика и кочегара, и те повалились в зеленую листву лежащего на рельсах бука, утонув в ней, как во вспененной пучине. Затем, не медля ни секунды, один из стрелков полез в вагон первого класса – тот самый, в котором не далее как полчаса тому назад ехали пятеро путников, застывших сейчас в оцепенении позади поезда.

– Вот вам и тихая Швейцария! – присвистнул Джеймс Грин, снова вытягивая свой «кольт». – Да тут почище, чем на Диком Западе!

– Это грабители! – резонно определил юный австрияк, в ладони которого уже прочно сидел «Ульрих». – Их надо остановить!

Он бесстрашно побежал к месту кровавой расправы и прямо на бегу, едва прицелясь, сразил наповал черного головореза, который никак не ожидал нападения с этой стороны. Однако тотчас из рожи посыпались беспорядочные выстрелы, оттуда выбежали еще двое в таких же балахонах, как у убитого, и отважный австриец был вынужден укрыться за последним вагоном.

– Этому парню надо помочь! – сказал Грин и, перебегая от бука к буку, принялся лупить по неизвестным бандитам из своего «кольта».

Безоружные Максимов, Анита и седоусый притаились за кряжистым деревом-великаном и оттуда созерцали ход необыкновенной битвы. Максимов нервничал и вслух сравнивал себя с крысой, забившейся в нору.

– И почему я не завел привычки носить револьвер в кармане? – задавал он риторический вопрос, обращаясь к самому себе.

– Наверное, потому, что он может в любой момент продырявить тебе ногу... в лучшем случае, – отвечала за него Анита.

Седоусый не говорил ничего – театр боевых действий захватил его всецело, он смотрел за сражением с профессиональной точки зрения и был чем-то недоволен.

Чаша весов, впрочем, склонялась в сторону добра. Вот и второй бандит рухнул с простреленной головой – это постарался Грин, нашедший себе удобную позицию за пнем, оставшимся от поваленного на рельсы бука. Бой обязан был окончиться, поскольку оставшийся разбойник не мог отбиваться от двух противников сразу, но, как назло, пистолет юного австрийца замолчал.

– У него кончился боезапас! – догадался седоусый.

Разбойник тоже понял это и, отстреливаясь от Грина, побежал в хвост состава. Австриец высунулся из-за вагона, хотел было перемахнуть через открытое пространство, чтобы оказаться в лесу, но в первом классе что-то тяжело гроыхнуло, в стороны брызнули стекла и обломки деревянной обшивки, слышались истошные вопли пассажиров, и тут же из окна кубарем вылетел выброшенный взрывной волной толстяк-швейцарец.

Все было как в жутком сне: тучное тело вдруг сделалось легче мыльного пузыря, несколько раз перевернулось в воздухе и шмякнулось на траву близ насыпи. Дрогнуло, конвульсивно задергалось – обезображенное, залитое кровью, – изогнулось дугой, потом вытянулось и замерло в неподвижности.

Бандит, не добежав до вагонного торца, за которым скрывался австриец, инстинктивно отпрыгнул в сторону, а из поезда выскочил еще один. Размахивая ружьем, он орал на непонятном языке:

- Hol van? Nem talaltam meg!

Австриец, воспользовавшись заминкой, выскочил из-за вагона и кинулся к зарослям. Споткнулся о выперший из земли узловатый корень, растянулся во весь рост. Седоусый бросился к нему, помог подняться. Все это заняло совсем крошечный отрезок времени, но бандиты заметили их, и тот, что выскочил из вагона (он же, несомненно, и устроил взрыв внутри), победно завопил:

- Latom! Most nem hagyod el!

Шарахнули синхронно оба ружья, седоусый схватился за плечо и со стоном сел в траву, но австриец подхватил его и втащил в спасительный лесок. А тут и умница (эх, давно ли в представлении Аниты он был идиотом?) Грин срезал одного из разбойников своим снайперским выстрелом. И только сейчас Анита, помимо воли увлеченная этим дьявольским спектаклем, обнаружила, что рядом с ней нет Максимова.

- Алекс! – крикнула она испуганно и стала озираться по сторонам. – Алекс, ты где?

А Максимов, которому надоело бездействовать, когда другие проявляют чудеса героизма, пробрался ползком среди можжевельниковых куп, стрелой вылетел из них и прыгнул сзади на шею последнему оставшемуся бандиту. Схватка была недолгой, Максимов вырвал у него из рук ружье и саданул лихоманца прикладом по загривку. Баталия была триумфально завершена.

Анита подбежала к своему мужественному супругу. Убедившись, что он невредим, не стала устраивать сцен – это вообще было не в ее правилах. К ним

подошел Джеймс Грин, залихватски дунул в дымящийся ствол «кольта».

– На такое развлечение в здешнем болоте я не рассчитывал, – сказал он, рисуясь.

По справедливости, он заслуживал похвалы, но никто не удостоил его даже взглядом: Анита смотрела на тело, распростертое у ног Максимова, а тот разглядывал доставшееся ему в качестве трофея ружье.

– «Смуглянка Бесс», – классифицировал он неуклюжее длинноствольное оружие, больше походившее на фузею, виденную Анитой на старых гравюрах. – С перезарядкой – одно мучение. Вот почему мы так легко отделались...

Аниту технические тонкости не занимали. Она показала Максиму на лежащего бандита, чье лицо было все еще скрыто черным наголовником с неким подобием матерчатого забрала – так что видны были только закрытые по случаю бессознательного состояния глаза.

– Ты убил его, Алекс?

– Нет, зачем? Сейчас очухается... Надо же узнать, кто эти башибузуки и чего ради они устроили бойню посреди такой идиллии.

Подковылял, зажимая рану в плече, седоусый военный, заботливо поддерживаемый юным австрийцем.

– Прошу прощения, господа... – виновато промолвил усач. – Мне показалось, они меня узнали... и стреляли в меня. Выходит, я и есть причина всей заварухи. Могу предположить, что эти злопамятные субъекты мстят мне за ту роль, которую я сыграл в Зондербундской войне. Она расколола общество на два враждебных лагеря – как любая гражданская...

– При чем здесь вы? – не слишком любезно спросила Анита. – Стреляли во всех, но метили, – она с прищуром взглянула на австрийца, – в вас. (При этих словах он вздрогнул.) Да-да, не вскидывайтесь! Я хорошо видела, в кого целил этот негодяй. Он хотел убить вас, а вы, – она повернулась к седоусому, – вы случайно подставились под пулю. И, не исключено, спасли молодому человеку жизнь.

– Я даже не думал об этом, – стушевался седоусый.

Анита в упор посмотрела на австрийца, буквально всверлилась в него своими колючими зрачками.

– Скажите же, кто вы такой! У вас полные карманы денег, на вас одежда, которая стоит целое состояние... на вас охотятся с ружьями... – Она выдержала небольшую, но эффектную паузу. – И еще у вас перекошились усы, они вот-вот отклеятся.

Австриец залился густой карминной краской, беспорядочно зашевелил руками, стал прилаживать на место свои несурзные усики. Анита еще не видела его в таком смятении. Требовалось что-то отвечать, четыре пары пытливых глаз впились в него, но отвечать он не хотел.

Ему и не пришлось. Из леска, который после окончания пальбы погрузился в безмолвие, вышли стройной шеренгой еще четверо незнакомцев в черных балахонах – точные копии только что сраженных. Все они держали наперевес раскритикованные Максимовым, но оттого не ставшие безобидными ружья «Brown Bess» калибром три четверти дюйма.

– А вот это уже совсем худо... – еле слышно произнес Максимов.

Грин и юный австриец, не сговариваясь, оттеснили Аниту назад, прикрыли собой. Она не противилась, очередная перемена декораций ошеломила ее.

– Отступаем за вагоны, – уголком рта скомандовал усатый офицер (он продолжал зажимать ладонью рану, рука его и часть мундира обильно окрасились кровью).

Стали медленно пятиться к составу, из нутра которого доносилось что-то похожее на многоголосый вой. Грин, австриец и Максимов выставили перед собой дула, что было трюком скорее психологическим, ибо ружье Максимова и пистолет австрийца были разряжены. Бандиты, как дисциплинированные солдаты на плацу, вскинули свои фузеи к плечам.

– Нелли, беги! – рявкнул Максимов.

Грянул залп. Седоусый с простреленной грудью рухнул ничком на землю. Еще одна пуля сшибла с австрийца его щегольской цилиндр. В ответ прозвучал выстрел Грина, ранивший одного из бандитов в ногу. Большого добиться не удалось. Разбойники принялись торопливо перезаряжать ружья, позволив своим жертвам совершить рывок и укрыться за последним вагоном – там, где минуту назад скрывался молодой австрияк.

– Стреляйте же, Грин! – взмолилась Анита. – Стреляйте еще!

– Увы, – развел руками американец, – мой запас тоже иссяк. Есть еще пара сотен патронов в бумажных гильзах, но все они в багаже, на крыше вагона.

Положение из критического стало безнадежным. Четверо безжалостных убийц скоро поймут, что сопротивления не будет, и им останется лишь поупражняться в стрельбе по живым мишеням. Уж в этом-то они преуспеют – Анита не сомневалась.

– Стойте! – выкрикнул австриец зычным голосом и вышел из-за вагона. – Если вам нужен я – стреляйте в меня. Прочих не трогайте.

– У мальчугана храброе сердце, – уважительно шепнул Грин Аните и Максиму. – Кто же он такой, кол мне в глотку?

Австриец зашвырнул в кусты никчемный «Ульрих» и спустился с насыпи. Теперь он стоял перед вооруженной четверкой совершенно открыто, как приговоренный к казни арестант на расстрельном полигоне. Анита что было силы сдавила предплечье Максимова.

– Алекс, неужели ничего нельзя сделать?!

– Боюсь, что ничего... И самое гадкое то, что, когда они расправятся с ним, они примутся за нас.

Бандиты взяли австрийца на мушку. Они действовали без спешки – знали, что добыча от них никуда не денется. Грянул еще один залп, но австриец остался стоять на ногах. Анита, выглядывавшая из-за вагона, не поверила глазам: в траву мешками свалились сами стрелки – кто спиной, кто боком.

– Что с ними?

Ответ на этот вопрос был получен незамедлительно. За поверженными разбойниками замелькали, заслоняемые ветвями буков, люди в пестрых одеяниях. На них не было масок и балахонов, но они предпочитали не высовываться. Анита даже не сумела подсчитать, сколько их точно: четверо? пятеро? больше?

– Час от часу не легче... – пробубнил Джеймс Грин, с досадой сунув пустой «кольт» за пояс. – Еще какие-то мерзавцы на наши головы...

Один из новоприбывших – смуглый, бородатый, с цыганскими чертами лица – вышел из-за деревьев. Анита смогла его рассмотреть. Он был высок, жилист, одет в синее пальто (и как только не сварился в нем в такую жару?), из-под которого выглядывала ярко расшитая жилетка. Он деловито осмотрел лежащих в траве бандитов, убедился, что все они мертвы, панибратски подмигнул австрийцу, который все еще столбенел близ насыпи, глумливо-почтительно приподнял свою широкополую шляпу и был таков. Скрылся в лесу, словно его здесь не было, а вместе с ним растаяли и его оставшиеся неведомыми товарищи. Снова повисла тишина, нарушаемая лишь всхлипываниями и повизгиваниями, долетавшими из вагонов.

Анита выпорхнула из-за состава, подскочила к австрияку, тряхнула его за полу сюртука.

– Эй! С вами все хорошо?

Он мотнул головой, выходя из ступора.

– Да... Я в порядке.

– Кто эти вторые? Вы их знаете?

– Впервые вижу. Равно как и первых, – ответил он и, заметив недоверие в глазах Аниты, присовокупил: – Слово дворянина.

Рядом уже стояли Максимов и Грин. Максимов нагнулся над скрючившимся на земле седоусым, потрогал его шею.

– Убит. Мы даже имени его не знали...

– Смотрите! – Анита вытянула палец. – Тот... из первых... он очнулся!

Разбойник, оглушенный Максимовым, пришел в себя – приподнялся, сел, ошалело повертел башкой туда-сюда. Черный капюшон свалился, открыв взорам обезображенное оспой лицо с оскаленными, как у волка, зубами.

Австриец шагнул к бандиту, спросил у него о чем-то по-немецки. Тот ответил свирепым взглядом, но не издал ни звука.

– Как твое имя? – перешел австриец на французский. – Ты меня знаешь? Почему вы хотели меня убить?

Разбойник разжал зубы, но опять не сказал ничего – ослабилась. А потом сделал по-змеиному быстрое движение и выхватил из-под балахона кинжал.

– Осторожно! – закричал Максимов и отдернул замешкавшегося австрийца назад.

Бандит попытался вскочить на ноги, но они его не держали, он снова плюхнулся на землю и со звериным рыком всадил кинжал себе между ребер. Анита вскрикнула, закрыла ладонью рот. Бандит забулькал горлом, всхрапнул, привалился к насыпи и затих.

– Кончено, – констатировал Грин. – Теперь мы ничего не узнаем.

Анита заставила себя оторвать взгляд от трупа.

– Идемте в вагоны! Там могут быть раненые...

Она поднялась в вагон первого класса, пострадавший от взрыва. Ее сопровождали Максимов и таинственный австриец. Анита шла по проходу, заглядывая во все встречавшиеся на пути шестиместные отделения, и задавала

один и тот же вопрос:

- Он заходил сюда?.. А сюда?.. А сюда?..

Насмерть перепуганные, жавшиеся к стенам и перегородкам пассажиры отвечали отрицательно. Анита с удовлетворением отметила, что среди них нет ни единого пострадавшего.

Так дошли до последнего отделения, которое покинули на станции под названием Кильванген. Здесь все было в ужасающем состоянии: окно выбито, сиденья, пол, потолок и все прочие части вагонной конструкции разворочены взрывом. На месте, где сидел толстый швейцарец, темнело пятно.

Максимов подобрал осколок медного цилиндра, всмотрелся в него.

- Гремучая ртуть. Взрывается от обычного сотрясения...

- Он ворвался сюда и сразу бросил бомбу, - предположила Анита и обернулась к стоявшему за ее спиной австрийцу. - Он знал, где именно вы должны ехать. Если бы не ваша перепалка с Алексом, мы бы не сошли с поезда в Кильвангене и нас всех разорвало бы на куски.

Она с содроганием посмотрела через вышибленное окно на тело толстяка-швейцарца, лежавшее под откосом. Австриец подумал и ответил:

- А я боялся, что вы до сих пор сердитесь на меня за тот прискорбный инцидент...

- Все было бы гораздо прискорбнее, если бы он не произошел, - подвел итог Максимов, и они вернулись к выходу.

У поезда уже толпились пассажиры второго и третьего классов, которых расторопный Грин проинформировал, что опасность миновала. Они боязливо косились на разбросанных там и сям мертвецов, шумели и волновались. От одной из групп отделилась девушка в кружевном капоре с крапинами копоти и бросилась со всех ног к Аните.

– Анна Сергевна! Страсти-то, страсти!.. – вздохнула запричитала она. – Уж и не чаяла живой выбраться... А вы как? Целы? А Лексей Петрович?

– Вероника, уймись, – сказала Анита. – Как видишь, ничего с нами не случилось. Вот только как теперь добраться до Цюриха?

Максимов подошел к паровозу.

– Локомотив исправен. В поезде достаточно мужчин... Сдвинем с путей дерево, и можно будет ехать дальше.

– Расчистить дорогу несложно, но кто поведет паровоз? – поинтересовался Грин. – Я не умею.

– Я умею, – скромно отозвался Максимов. – Правда, нужен будет кочегар.

– Ну, на это и я сгожусь. Работа нехитрая. – Грин с готовностью стал стягивать с себя парусиновый пиджак.

Несколько дюжих джентльменов своротили с рельсов срубленный бук. Шурша листьями, он скатился с насыпи. Максимов самым тщательным образом изучил железнодорожное полотно и пришел к выводу, что оно не повреждено. Перед тем, как тронуться, выполнили еще одно скорбное действие: погрузили в разбитое отделение первого вагона трупы бандитов, а с ними покойников из паровозной бригады и двух погибших швейцарских пассажиров. Бандитов Грин предложил оставить на месте, но Анита запротестовала – мало ли кто еще наведается сюда до прибытия полиции.

Когда все было готово к отправлению, Максимов занял место механика на локомотиве. Рядом стоял Грин с лопатой в руке. Пассажиры, взбудораженные всем произошедшим, еще роились возле поезда, галдя и не желая заходить в вагоны.

– Всем занять свои места! – выкрикнул Максимов, но его голос утонул в разноголосом гомоне.

На помощь пришел юный австриец. Он ступил на подножку локомотива, ухватился рукой за поручень, приподнялся на цыпочках, весь вытянулся вверх и зычно прокричал:

– По вагонам! Через минуту состав отходит. Кто не успеет занять свое место, останется здесь.

И его послушались.

Глава вторая

Бисер на тротуаре

На задней площадке. – Еще один! – Ридикюль как метательное оружие. – Приемы французской борьбы. – Шпрайтенбах. – Бегство от полиции. – Лучший город Швейцарии. – Два императора. – Человек в зеленом. – Приглашение герра Мейера. – Гастрономические изыски. – Обитательница дальней комнаты. – Гроссмюнстер. – Сумасшедший ездок. – Анита попадает в неприятную ситуацию. – Размышления о современной моде. – Платье для принцессы. – Изобретение мистера Ханта. – Погоня в лабиринте улиц. – Стряслась беда.

Максимов вел поезд на малой скорости – не на шутку опасался какой-нибудь новой каверзы. За последние два-три часа его представления о мирной и безмятежной Швейцарии претерпели серьезные изменения. Отныне он не верил царящему вокруг внешнему спокойствию и на пасторальные пейзажи смотрел с подозрением. Мысли о возможных западнях и засадах витали, очевидно, и в голове мистера Грина. Он тщательно зарядил свой «Кольт Уолкер» и, забрасывая в топку уголь – лопату за лопатой, – не забывал окидывать хватким взглядом местность, по которой проезжал состав.

Неспешный ход локомотива способствовал тому, что зловонный удушливый дым не обволакивал состав, а расплывался черной косматой тучей чуть позади высокой трубы. Анита воспользовалась этим обстоятельством и вышла из чрева вагона, где в духоте, да еще по соседству с трупами было совсем неудобно, и

пристроилась на задней открытой площадке, облокотясь на перильца.

Она смотрела на рельсы, которые невидимый фокусник вытягивал из-под вагона, как ленты из шляпы в цирке. Картина была самой умиротворяющей, и Анита стала понемногу успокаиваться, отходя от треволнений дня, который, судя по высоте солнца, уже клонился к вечеру.

Сквозь перестук колес она не расслышала шагов позади себя. Когда почувствовала, что рядом кто-то стоит, резко обернулась и схватилась за свой ридикюль, в котором всегда лежал острый нож – ее единственное, но действенное оружие. Но тут же расслабилась, увидев возле себя мальчишку-австрийца. Он тоже взялся за перила, так как устоять на площадке раскачивавшегося вагона было непросто. Его глаза встретились с глазами Аниты.

– Не помешаю? – спросил он с дежурной учтивостью.

Сначала занял место, а потом спросил, отметила про себя Анита. Этот вопрос – не более чем формальность. Анита даже не сочла нужным реагировать на него. Видно же: мальчик не терпит возражений и берет от жизни все, что ему требуется.

– Вы так и не ответили мне, – сказала она, надеясь завязать беседу с заинтересовавшим ее человеком. – Кто вы, откуда? И почему не стали стреляться с Алексом, когда узнали, что он русский?

Австриец помедлил, потом его рука нырнула за отворот крахмаленной рубахи и извлекла на свет голубую шелковую тесьму, к которой крепился крест с изображением распятого апостола на фоне золотого двуглавого орла и четырьмя латинскими буквами «S.A.P.R.».

– Орден Андрея Первозванного? – изумилась Анита. – Это же высшая награда Российской империи! Откуда она у вас? – попробовала угадать: – Память о каком-нибудь знакомом? Родственнике?

– Ни то, ни другое. – Австриец спрятал крест под рубаху. – Эту награду вручил мне лично император Николай Павлович.

– Вам? Лично? – Изумление Аниты возросло до предела. – Сколько же вам лет?

– Девятнадцать. – Тут он замешкался и смущенно прибавил: – Исполнится в августе. Но орден я получил четыре года назад.

– Вы хотите сказать, что российский царь вручил вам высший орден своей империи, когда вам было всего пятнадцать?

– Истинно так.

То, что говорил этот юноша, было совершенно неправдоподобным, но Анита отчего-то ему верила. И еще заметила, что в его голосе не было ни тени хвастовства или напыщенности. О том, что его в почти еще ребяческом возрасте отметили орденом, каковым в России награждают высокопоставленных чиновников, членов царской фамилии и особо отличившихся военачальников, он рассказывал как о чем-то само собой разумеющемся.

– Если все это правда, тогда я догадываюсь, кто вы...

Однако Аните не суждено было добиться ответа от необыкновенного собеседника. Она вдруг вскрикнула и, молниеносно развернувшись, вжалась в перила спиной. На площадке появился еще один «черный балахон», вооруженный уже не ружьем, а тонким стилетом.

«Какие настырные злодеи!» – пронеслось в мозгу Аниты. И еще она вспомнила (это произошло сразу – как будто магний вспыхнул), что видела этого человека среди пассажиров. На нем было черное одеяние с остроконечным капюшоном – как у монаха-капуцина. Только сейчас до Аниты дошло – опять-таки разом, вспышкой, – что если это одеяние вывернуть наизнанку, то получится тот самый черный балахон. Под монаха маскировался преступник!

Размышления заняли не более секунды, но за это время злодей успел подбросить свой стилет в воздух, поймать его за лезвие и размахнуться – с недвусмысленным намерением метнуть в австрийского орденосца. А тот и сгруппироваться не успел – точно прилип к перилам. Тогда Анита, даже как следует не обдумав своих действий, сильным толчком обеих рук запустила ридикюль прямо в лицо бандиту.

Миниатюрная сумочка не могла нанести хоть сколько-нибудь ощутимый урон здоровенному верзиле, но его лапища дрогнула и стилет, пущенный как дротик, пролетел на вершок от левого уха австрийца. Последний опомнился, бросился на врага, и завязалась варварская схватка.

Анита была уверена, что здоровяк в черном сразу же сомнет и скрутит тонкого юношу, и уже собиралась бежать в вагон, чтобы позвать на помощь, но юноша оказался не лыком шит. Попыхтев и посопев, подобно паровозу, он провел стремительный прием, в результате коего верзила с воплем перелетел через невысокие перильца и бултыхнулся в речку, через которую они как раз переезжали.

Речка была мелкой, можно было разглядеть, как бандит с разлета ударился головой о дно и безжизненно повис в воде, растопырившись, как громадная черная медуза. Что с ним стало дальше, понять не удалось, потому как поезд съехал с моста и речка осталась позади, скрытая прибрежным камышом.

– Пожалуй, он утонет, – сказала Анита и подобрала свой ридикюль. Плотно набитый и крепко застегнутый, он вполне годился на роль метательного оружия.

– Вам его жаль? – спросил австриец, отдуваясь и одергивая свой сюртук. Не дожидаясь ответа, подсадовал: – Порвал мне Krawatte... кретин! – Он снял с шеи платок, повертел его и с сожалением бросил на рельсы.

– Вы знаете приемы французской борьбы? – полюбопытствовала Анита.

– Да, – небрежно отозвался австриец. – Мастер Жан Эсбройе дал мне десяток уроков. Очень полезно.

Сегодня Аниту уже ничем нельзя было удивить. Если император всея Руси вручил мальчишке высший орден, то почему бы величайшему европейскому мастеру единоборств не сделаться его преподавателем?

– Теперь мы знаем, как эти подлецы выследили вас. Лжекапуцин сел вместе с нами в поезд в Базеле. Он заметил, какое место вы займете, и с одной из промежуточных станций отправил гонца своим сообщникам. На резвой лошади, напрямик, он смог обогнать наш поезд, а где расположить засаду, наметили заранее – там, где поблизости от железнодорожной ветки не было селений и,

как следствие, риск, что откуда-нибудь нагрянут лишние свидетели, сводился к минимуму.

– Несомненно, все так и было, – согласился юнец. – У вас превосходное мышление. Но сейчас я бы попросил вас обо всем этом забыть. Мы подъезжаем к Шпрайтенбаху... Я намерен покинуть поезд.

– Как? – опешила Анита. – Прямо на ходу? Вам разве не надобно в Цюрих?

– Нет. Я уже прибыл в пункт назначения. Там непременно начнутся разговоры с полицией, допросы... мне бы хотелось всего этого избежать. Благодарю вас за содействие... и простите, если что-то было не так.

С этими словам он перемахнул через перильца, соскочил с замедлившего и без того плавный ход поезда и, упруго приземлившись на ноги, скрылся в заброшенном саду, разросшемся на окраине маленького городка.

Анита покачала головой. Этот человек вел себя несоответственно своему статусу, который она уже вычислила. Отчасти его извинял юный возраст, а отчасти... Закончить мысль Анита пока не могла.

* * *

Как и предсказывал австриец, в Шпрайтенбахе поездом, привезшим, помимо живых пассажиров, груды мертвых тел, сразу заинтересовались органы охраны правопорядка. Анита и Максимов рассчитывали, что после дачи показаний смогут тем или иным способом продолжить путь в Цюрих, однако их настоятельно попросили остаться до утра. Полиция намеревалась пядь за пядью обследовать весь состав и все находящиеся в нем предметы, дабы удостовериться, что возможность еще одного взрыва полностью исключена. Анита вспылила, заявила, что не собирается ночевать в клоповнике (приличных гостиниц в Шпрайтенбахе не было). Максимов ее поддержал.

Поздно вечером, когда они сидели в станционной таверне и без аппетита жевали картофельные оладьи под названием «R?sti», почти неотличимые по виду и по вкусу от белорусских драников, к ним подошел Джеймс Грин. Он склонился к их столику и заговорщицки прошептал:

– Есть возможность уехать в Цюрих сейчас же. Я, признаться, тоже не хочу задерживаться в этом захолустье... Договорился с одним типом, он согласен подкинуть нас до Цюриха на своей таратайке. Плата умеренная. Единственное «но» – весь наш багаж опечатан полицией, отдадут его не раньше завтрашнего дня. Но мне пообещали, что его доставят поездом под присмотром жандарма и на цюрихском вокзале мы получим все до последней картонки. Идет?

Анита согласилась не раздумывая. Она безумно устала за этот день и хотела только одного – лечь в опрятной чистой комнате в свежую постель и тут же уснуть. Найденный Грином тип согласился доставить в Цюрих только троих, так что Веронику пришлось оставить. Она поначалу наотрез отказывалась ночевать одна в незнакомом городишке, но Аните удалось ее уговорить. Всего-то и понадобилось – подарить свою старую, уже восемь раз надетую шляпку, от которой Вероника была без ума.

Дав служанке наказ проследить назавтра за доставкой багажа, Максимовы в компании Грина сели в ветхий тарантас, показавшийся им царской каретой, и покатали в Цюрих.

Прибыли без малого в полночь. Аните, несмотря на усталость, хотелось посмотреть на новый, всего два года назад построенный, цюрихский вокзал, но над городом нависла густая тьма, а газовые уличные фонари системы Мердока давали свет слабый и рассеянный. Любование архитектурой пришлось отложить до утра.

Грин, едва сойдя с тарантаса, словно испарился. Это было крайне досадным обстоятельством, потому что извозчик, доставивший их из Шпрайтенбаха, ни бельмеса не понимал ни по-французски, ни по-английски, ни тем более по-испански и по-русски, а познания Аниты и ее супруга в немецком были настолько скудными, что им так и не удалось втолковать болвану, чтобы подвез их до какого-нибудь более-менее приличного отеля. А может, болваном он просто прикидывался – хотел поскорее избавиться от седоков и вернуться домой.

Так или иначе, извозчик уехал. Максимов пошел искать другого, а Анита от нечего делать стала слоняться вдоль вокзальной стены. Остановилась перед тумбой, на которой висела газета «Neue Zürcher Zeitung». Газета была недельной давности, уже успела выцвести на солнце и покоробиться под дождем. Анита, скучая, пробежала глазами заголовки на немецком языке и задержалась на

одной статье, напечатанной крупно и снабженной портретом двух людей в военных мундирах.

Подошел с расстроенным видом Максимов.

– Никого нет, – промолвил он. – Придется или ночевать на вокзале, или идти пешком.

– Алекс! – Анита, не слушая, ткнула пальцем в газетный портрет. – Гляди!

Максимов присмотрелся и ахнул.

– Это же наш попутчик! Тот желторотый нахал, только без усов... Что он делает рядом с императором Николаем?

Газета была немецкоязычной, но ответ Анита уже знала.

– Этот желторотый нахал – тоже император. Король Австро-Венгрии Франц-Иосиф собственной персоной... В конце мая у них с Николаем Павловичем состоялась встреча на высшем уровне в Варшаве. Об этом, я так понимаю, и говорится в статье... Diablo, Алекс, ты чуть не застрелил одного из главных союзников России!

– Франц-Иосиф? – Максимов оторопело захлопал веками. – Ну да... ему должно быть лет восемнадцать... я читал... Но для чего, черт бы его побрал, ему понадобилось переодеваться в партикулярное платье, клеить дурацкие усы и ехать обычным поездом, без охраны, без свиты, в богом забытую швейцарскую глухомань?

– Этого я не знаю, – ответила Анита. – А их величество не соизволили объяснить. Зато о его перемещениях были прекрасно осведомлены какие-то гайдамаки. Одни его хотели прикончить, а вторые спасли. Ничего не понимаю.

– Я тоже, – признался Максимов. – Да мне, честно говоря, и не до того сейчас. Выпить бы чашку горячего кофе, а еще лучше – бокал «Сильванера» – и на боковую.

Максимов разговаривал с Анитой, а не со всемогущим духом из чудесной лампы, но его страстное желание было услышано и принято во внимание. Буквально из пустоты, из ниоткуда вынырнул упитанный низенький человечек в зеленом сюртучке, зеленых штанах и зеленых же сапогах. Единственное, что на нем было другого цвета, – темная шапка в форме изрядно помятого и надкушенного пирожка. Аниту удивило обилие пуговиц: ими у человечка были щедро усеяны и одежда и обувь.

– Доброй ночи, госпожа... господин... – Он сдернул с головы шапку и раскланялся с той учтивостью, с какой мещане раскланиваются с лицами более высокого звания. – Мое имя Магнус. Магнус Мейер. Вижу, вы только что прибыли в наш замечательный город. Не желаете ли остановиться у меня? Меблированные комнаты на Мюнцплац. Светло, просторно, все удобства...

На провансальском наречии ему было бы говорить легче, чем на классическом французском, отметила Анита по всегдашней привычке уделять внимание мелочам. Все указывало на то, что перед ними – уроженец одной из франкоязычных областей Швейцарии.

– А «Сильванер» у вас есть? – спросил Максимов тоном придирчивого экзаменатора.

– И «Сильванер», и «Пино гри», и «Мюллер-Тургау»... восемь сортов лучших швейцарских вин на любой вкус и цвет. Едой вы тоже останетесь довольны. Блюда национальной кухни: луковый пирог, айнтопфы из копченых ребрышек, шницель из телятины с сыром, грушевый мед, фондю...

– Достаточно, – прервала словоохотливого Мейера Анита. – Нас все устраивает. Правда, Алекс?

– Воистину, – кивнул Максимов. – Вот только где в вашем благословенном городе в сию ночную пору раздобыть экипаж?

– Зачем экипаж? – разулыбался Мейер, довольный тем, что залучил выгодных клиентов. – У меня за углом коляска. Домчимся мигом!

Они свернули за угол вокзала и увидели запряженную пегой лошадью повозку, возле которой стоял, засунув руки в карманы парусиновых штанов, Джеймс

Грин. В его тонких губах была зажата кубинская сигара.

– Эй! – окликнул он Мейера безо всяких церемоний. – Это твоя телега? – Заметив Аниту и Максимова, вынул сигару из рта, проговорил радостно: – Тьфу ты! А я вас обыскался... Думал, вы уже уехали.

– То же самое мы думали про вас, – проворчал Максимов. – Где вы были?

– Договаривался насчет гостиницы. Представьте, нашел вполне сносный вариант. Присоединяйтесь, будет веселая компания! Отель «Мадлер». Говорят, ему уже лет триста. Сногсшибательные номера, ресторан для гурманов. Луковый пирог, грушевый мед, фондю...

– Спасибо, всем этим нас накормят в другом месте, – сказала Анита, держа на Грина обиду за то, что покинул их, не предупредив и не попрощавшись.

Она не была ханжой, однако считала, что соблюдение элементарных правил вежливости обязательно для каждого добропорядочного гражданина.

– Как хотите, – не стал навязываться Грин. – Тогда подкиньте меня до гостиницы. И если вдруг затоскуете – милости прошу в мои апартаменты.

* * *

Меблированные комнаты герра Мейера оказались на высоте. И не потому что располагались на третьем этаже старинного здания, построенного, по словам хозяина, в четырнадцатом столетии, а потому, что наличествовали в них и обещанный комфорт, и милый домашний уют, и европейская изысканность. Во всем здании была бережно сохранена средневековая отделка из камня и дерева, а стены радовали глаз искусными росписями с панорамными видами Цюриха и его окрестностей.

Впрочем, все это изящество Анита смогла по достоинству оценить только утром, когда, хорошо выспавшись, она почувствовала себя бодрой и освеженной. Завтрак, в соответствии с обещаниями владельца комнат, тоже не подкачал: были и луковый пирог, и грушевый мед, и фондю, и много чего еще. Покуда Анита и ее супруг пили горячий шоколад с круглыми глазастыми печеньками из

линцкого теста, которые здесь почему-то именовались нехорошим словом «Spitzbube», что в переводе означает «мошенник», герр Мейер вертелся рядом и настойчиво рекомендовал гостям сразу же после трапезы ознакомиться с красотами Цюриха.

– Здесь, напротив, стоит церковь августинцев, она старше моего дома лет на сто. Правда, ее не так давно перестроили. По сути, возвели новое здание на месте старого. Очень красиво! Если вы любите готику, советую зайти...

– Зайдем, – не стал возражать Максимов, степенно допивая шоколад.

– Но все это меркнет в сравнении с Гроссмюнстером! – продолжал вдохновенно вещать герр Мейер. – Это кафедральный собор, построенный еще в одиннадцатом веке на месте церкви, которую закладывал сам Карл Великий. Вы просто обязаны это увидеть! Иначе я не пущу вас обратно в дом и лишу обеда.

Полушутливая-полусерьезная угроза была лишней – Анита и без рекомендаций герра Мейера планировала посмотреть город, в котором они с Максимовым собирались задержаться дня на три-четыре. Мейер самым детальным образом растолковал им маршрут, добавил, между прочим, что в двух шагах от собора находится прелестный магазинчик готового дамского платья. Может быть, фрау пожелает подобрать себе что-нибудь подходящее?

Фрау с благосклонным видом сказала, что подумает.

Довольный герр Мейер в десятый раз пожелал гостям приятного аппетита и удалился. Он направился в самую дальнюю комнатенку, которую никогда никому не сдавал. Там, в темноте, за сдвинутыми портьерами, его поджидала девушка – маленькая, смуглая, встревоженная.

Он ласково провел рукой по ее волосам.

– Не волнуйся, Жози. Мы все уладим.

– Но как же мой Франки? – пролепетала она. – Он будет искать меня, он ничего не знает...

– Его оповестят, – уверил Мейер. – Прежде всего – твоя безопасность...

Ничего этого Максимовы видеть и слышать не могли. Покончив с завтраком, они заглянули на вокзал. Поезд с их багажом и Вероникой еще не пришел. По слухам, он должен был прибыть не раньше вечера. Аниту это не очень расстроило, она знала, что Вероника, проверенная во множестве испытаний, и сама не пропадет, и вещи сбережет в целостности.

Наведя все нужные справки, покинули вокзальное здание. Аниту оно не впечатлило. Было странно наблюдать рядом с современным сооружением тянувшийся на версту, если не более, ров, заполненный илом и ряской. Во рву отчетливо квакали лягушки. Герр Мейер рассказывал, что они в городе почитаются за существ весьма героических – по легенде, не раз спасали своим кваканьем Цюрих от нашествия супостатов. А вообще, скоро ров засыпят землей вместе с его отважными обитательницами и на его месте появится широкий прешпект, который свяжет вокзал с набережной Цюрихского озера. Максимов и Анита не стали дожидаться этого эпохального события и отправились гулять в более цивилизованные районы Цюриха.

С утра еще не пекло, погода стояла бесподобная – исключительные условия для того, чтобы отрешиться от земной суеты, думать о чем-нибудь возвышенном и наслаждаться видами города, основанного еще в римскую эру. Но некое смутное беспокойство преследовало Аниту с той самой минуты, когда они вышли из дома Магнуса Мейера. Она и сама не могла разобраться, чем оно вызвано. Ей отчего-то казалось, что здесь, в этом дремлющем разнеженном царстве, таится опасность. Какая именно? Этого Анита не могла определить, но то и дело вздрагивала, оглядывалась, проверяя, не следит ли кто за ними. Такое ощущение – она называла его по-научному «синдром хвоста за спиной» – появлялось у нее время от времени и прежде. Оно вызрело за последние годы, богатые приключениями, и еще ни разу не обманывало.

Анита поделилась своими страхами с Максимовым. Как и ожидалось, он отнесся к ним без должной серьезности:

– Это всё из-за вчерашней передраги, Нелли. Ты перенервничала, плохо спала этой ночью... вот тебе до сих пор и мерещится невесть что. – И глубокомысленно закончил: – Кому мы здесь нужны? Австрийский император – крупная фигура, допускаю, что есть немало тех, кто желает ему смерти. Но мы-то? Кто мы такие с позиции вечности? Пылинки на мутном стекле бытия... До нас никому не может

быть дела.

Анита выслушала философскую сентенцию и мысленно упростила себя с нею согласиться. Максимов рассуждал верно. Кому охота следить за двумя празднующими бездельниками, которым только и нужно, что поглазеть на красоты самой миролюбивой, как думалось до вчерашнего дня, страны Старого Света?

За предыдущие недели Анита уже насмотрелась на Швейцарию и составила о ней довольно подробное представление. Ей понравились провинциальные городки: невысокие домики с расположенными в шахматном, а то и вовсе в хаотичном, но при этом удивительно изящном порядке, балкончиками; приземистые башенки, которые словно боялись уколоть своими короткими шпилями небо. Видела она и крупные города с вызывающе высокими и острыми верхушками куполов.

Цюрих показался ей самым новаторским из всего, что попадалось за время поездки. Он уже окончательно избавился от замшелых древних стен, оборонительных башен и защитных укреплений. Это был деловой город, активно строящийся и расширяющийся во все стороны. Аните подумалось, что скоро ему тесно будет в долине между двумя покрытыми растительностью холмами. Нагромождение строений, представлявших собою очаровательно-сумасшедшую смесь различных стилей от барокко до классицизма, разбухало, как квашня под лучами жаркого летнего светила. Гроссмюнстер с его не то шестисот-, не то восьмисотлетней биографией смотрелся посреди эклектического разгула величественным анахронизмом.

– Наказ герра Мейера мы выполнили, – промолвила Анита, когда они неспешно брели по правому берегу ленивой речки Лиммат, вытекающей из Цюрихского озера и делящей центр города пополам. – Можем посмотреть еще что-нибудь. Я слышала, на церкви Святого Петра – самые большие в Европе куранты.

Взглянуть на куранты им не довелось. Едва миновали Гроссмюнстер, как откуда ни возьмись вылетел юркий одноконный ландолет с надвинутым над коляской тентом и помчался прямо на них. Максимов в последний миг успел оттолкнуть Аниту, увернулся и сам. Ландолет пролетел мимо, угодил колесом в грязную лужу, образовавшуюся после того, как ночью прошел небольшой дождик, и на платье Аниты, без того потерявшем идеальный вид в ходе вчерашних событий, расплылись бурые безобразные кляксы.

Максимов выдернул из-под пиджачной полы револьвер, который накануне, перед отъездом из Шпрайтенбаха, предусмотрительно переложил из чемодана в карман брюк (после всего, что произошло по пути из Базеля в Цюрих, это была совсем не лишняя предосторожность). Вытянул руку, навел мушку на прыгавшую корму ландолета. Анита вцепилась ему в локоть.

- Алекс! Что ты делаешь?

- Хочу выстрелить... Не мешай!

- Тебя посадят в тюрьму!

- Черт... он уже уехал! - Максимов опустил руку с оружием. - Ты успела рассмотреть кучера?

- Нет... По-моему, сутулый, с бородой... Больше ничего не помню.

- Плохо! Следовало бы заявить в полицию. Он хотел тебя сбить!

- Ничего подобного! Да, он несся прямо на меня, но в последний момент отвернул в сторону. Этот фореитор - очень ловкий, такой маневр не всем под силу.

Ярость Максимова понемногу улеглась, недовольство осталось.

- Ловкий он или не ловкий, все равно ему полагается выписать штраф за опасную езду! Посмотри, во что он твое платье превратил...

Анита как раз этим и занималась - со всей тщательностью осматривала подол и рукава, беспощадно забрызганные бородатым лихачом. Двух мнений быть не могло: платье испорчено бесповоротно. Мерзкая противная жижа впиталась в ткань и вызывала у Аниты отвращение. Хотелось поскорее переодеться, но во что? Багаж с запасом одежды все еще оставался в Шпрайтенбахе, с собой у Аниты на смену не было ничего. Она обругала себя за непредусмотрительность, достала из ридикюля веер, попробовала прикрыть отвратительные пятна, но ничего не вышло. Пятен было слишком много, а веер слишком мал. Анита готова была сквозь землю провалиться - ей чудилось, что все прохожие пялятся на нее

со злорадными ухмылками.

Настроение было испорчено, прогулка по залитому солнечным светом Цюриху срывалась. Зато отчетливо вырисовывалась перспектива сидеть гадким утенком в комнате, пусть и комфортной, до тех пор, пока не придет Вероника с чемоданами и не выручит свою несчастную хозяйку из бедственного положения. Анита сложила не оправдавший доверия веер и в сердцах сдавила его так, что он сломался.

Откуда столько напастей за неполные два дня? Причем сегодняшняя представлялась куда катастрофичнее вчерашней. Одно дело – эффектно пасть от рук кровожадных мизераблей, и совсем другое – ходить презренной замарашкой, сгорая от стыда под саркастическими взорами окружающих. Такого Анита вытерпеть не могла. Подумывала уже, не броситься ли головой вниз в сонную речушку, по которой грациозно плавали белоснежные лебеди, но на пороге душевного кризиса явилось спасительное озарение.

Магазин дамской одежды! Герр Мейер говорил, что это где-то рядом с кафедральным собором. Анита спряталась за широкоплечего Максимова, чтобы скрыть от прохожих свое уродство, и из-за его спины пробежала взглядом по стоявшим вдоль реки домам. Вот оно – то, что нужно! В витрине лавки стояли манекены, наряженные в умопомрачительные уборы с вакханалией кружев, бантов и блесток. Анита подтолкнула Максимова в нужную сторону, засемила следом.

Владелец лавки оказался совсем молодым человеком с завитыми и напомаженными волосами, от которых за версту разило «Убиганом». Одет он был в бархатную куртку броской красной расцветки, что придавало ему в некоторой степени inferнальный вид. Анита вынуждена была рассказать о своем бедствии, и он, не сдержавшись, плотоядно потер ладонь о ладонь. Чутье торговца подсказало ему, что богатой покупательнице, попавшей в такой переплет, можно – и должно! – всучить что-нибудь подороже. Анита пребывала в унынии и согласна была на все, лишь бы побыстрее прекратить адские мучения.

Лавочник предложил ей на выбор несколько платьев, она послушно перемерила их все, не особенно приглядываясь к своему отражению в зеркале. Платья были страхолюдные, брать их она не собиралась, понимала, что это не более чем разгон, и ждала, что же ароматизированный коммерсант извлечет из своих закровов, когда игра пойдет всерьез и по-крупному.

Коммерсант, повздыхав и посетовав на то, что достойных нарядов, подходящих Аните по размеру и фасону, в наличии нет, изобразил глубокие раздумья, потом просиял и вкрадчивым шепотком, как величайшую тайну, сообщил, что у него есть одно платье – такое в пору носить принцессе или, чем черт не шутит, королеве. Если госпожа желает взглянуть, он его вынесет.

Анита пожелала. Она не надеялась увидеть ничего экстраординарного, знала, что восхищение продавцов собственным товаром надо воспринимать критически, делить на два. Однако ж платье, которое напомаженный вынес откуда-то из-за ширмы, держа на вытянутых руках, словно драгоценность, заставило ее погасить снисходительную полуулыбку.

Анита, как и все ее современницы дворянского сословия, войдя в пору зрелости, вынуждена была носить модную одежду и постоянно страдала от все новых и новых дизайнерских новшеств. Женские костюмы, вместо того чтобы становиться более удобными и легкими, не сковывающими движений и подчеркивающими естественную красоту, делались год от года все тяжелее, бестолковее и непрактичнее. Объем юбок увеличивался, давно превзойдя разумные пределы. Наверное, рыцарям времен Крестовых походов было куда легче носить свои стальные латы, чем женщинам середины XIX века щеголять в разработанных современными модельерами убранствах. От рыцарей хотя бы не требовалось изображать утонченность, а нынешние дамы обязаны были думать о пластике с эстетикой и делать вид, будто колоколообразные хламиды, придуманные полоумными изуверами, чрезвычайно элегантны.

То, во что одевались женщины, достигло, по мнению Аниты, верха бессмысленности. Она чувствовала себя закованной в гипс, связанной тугими канатами. Тело отзывалось болью на любую попытку шевельнуться и вздохнуть чуть глубже обычного. Полезные же функции одежды утрачивались – даже корсет теперь только утягивал талию, немилосердно впиваясь в кожу и грозя переломить позвоночник, но перестал поддерживать спину, как было раньше. Так что об осанке приходилось заботиться самостоятельно, что отнюдь не являлось простой задачей, если учесть, что неподъемное платье перевешивало его владелицу то на одну сторону, то на другую.

Короче говоря, Анита могла бы адресовать моде и тем, кто направлял оную, много неласковых слов. Она как-то заметила Алексу, что именно эта вечная пытка подвигнет женщин на борьбу за свои права. В прошлом году уже

прозвучал первый звонок – в Нью-Йорке собралось семь десятков смелых представительниц прекрасного пола, которые впервые заговорили во всеуслышание о том, что считают себя оскорбленными, угнетенными и лишенными священных гражданских привилегий. То ли еще будет...

Но сейчас думы о священных привилегиях напрочь вылетели из головы Аниты. Она смотрела на принесенное лавочником платье и едва ли не впервые воспринимала предмет одежды как произведение искусства. Перед нею было изумительное чудо сиреневого цвета из парчи с золотым рисунком. Перед корсета и юбка были покрыты шелковыми нитями, жемчугом, а также бисерными розами. В лучах солнца, проникавшего через окна лавки, блестело все платье, включая края рукавов, обработанные серебряной тесьмой. И что удивительно, не виделось в этом никакой павлиньей пышности – все по делу и сугубо гармонично. Будь на месте Аниты завзятая модница, она не удержалась бы от экспрессивного восклицания. Анита удержалась, сделала спокойное лицо, повернулась к Максиму.

– Как оно тебе, Алекс?

– По-моему, неплохо, – ответил он, подавив зевок.

Максимов, как все люди с техническим складом ума, да еще и военные, ничего не понимал в красоте дамских нарядов. Анита поинтересовалась его мнением так, для приличия, не надеясь на дельный совет.

– А других у вас нет? – спросила она продавца, чтобы не воображал, будто вынес сокровище.

Он скорчил кислую мину, ответил отрицательно. Предложил пошить платье на заказ с учетом всех пожеланий фрау. Но это будет небыстро, в течение двух-трех недель, в зависимости от сложности. Аниту такой расклад ни в коей мере не устраивал.

– Хорошо, – сказала она. – Я бы взяла это. Но во сколько оно обойдется? Я знаю цены в вашей стране. Платье с такой отделкой должно стоить очень дорого.

– Оно бы стоило дорого, – ответил лавочник, – но его шили персонально для одной дамы... о-очень важной дамы... – Он поднял глаза к потолку. – Когда все

уже было готово, она вдруг отказалась от заказа. Мы ее больше не видели. Что теперь делать с этим платьем, я не знаю, поэтому согласен уступить его вам в половину дешевле.

И он назвал сумму, которая показалась Аните приемлемой. Она все же отыграла немую сцену «Колеблющаяся покупательница». Тогда продавец вынул из-под прилавка проволочную загогулину размером с мизинец и положил рядом с платьем.

– Самоновейшее изобретение мистера Ханта из Североамериканских Штатов. Булавка, которой невозможно уколоться.

«Опять американец! – подумала Анита. – Везде-то они со своими изобретениями!» А вслух усомнилась:

– Так-таки невозможно?

– Смотрите сами. Булавка сделана из цельного куска проволоки. Вот этот завиток представляет собой пружину. А вот это – специальная крышечка, под которую вставляется острие, чтобы избежать случайного укола. Легким нажатием пальцев вы расстегиваете булавку и легким же застегиваете.

Объясняя все это, лавочник тут же и демонстрировал достоинства новинки.

– Остроумно! – одобрил Максимов. – Я о таком не слышал.

– Изобретение запатентовано в этом году, массовый выпуск еще не налажен, в Европу доставлены единичные экземпляры. Этот мы преподносим вам в подарок. Его можно носить как украшение, – лавочник пристегнул булавку к «платью принцессы», – а можно что-нибудь ею заколоть, не опасаясь, что она выпадет и потеряется.

В ответ на такую любезность Аните оставалось только вынуть из ридикюля кошелек с франками.

Платье было куплено. В отгороженном шторкой примерочном закутке, который она на испанский манер называла el probador, Анита переделалась, с выдохом

облегчения сбросила с себя испорченное дорожное платье (отдать, что ли, Веронике на тряпки? Нет, лучше сразу выкинуть, чтобы не попадалось на глаза и не напоминало о сегодняшнем позоре) и облачилась в сказочное убранство, оказавшееся не только восхитительным на вид, но еще и достаточно свободным. Движения в нем не были так стеснены, как в платьях, которые Аните доводилось носить прежде.

На этот раз она долго и подробно смотрелась в зеркало в потускневшей медной раме и осталась довольна. Покупку следовало признать удачной. Анита поправила на груди диковинное украшение – безопасную американскую булавку, – отдернула шторку и показала себя во всей красе Максиму.

– Ну, как?

Даже такой черствый технарь, как Алекс, не мог не признать, что с платьем они угадали. Лавочник же всплеснул руками и куликом, хвалящим свою несравненную трясину, защебетал:

– Я так и знал, что вам подойдет! Это фортуна... Платье словно на вас пошито. Фрау выглядит блестяще! Будь я монархом, я бы с радостью уступил вам свой трон и пал бы к вашим ногам! – А далее уже Максиму: – Заметьте... нигде, ни в одном другом магазине Цюриха, вы бы не нашли столь тонкой оправы для вашего бриллианта.

Он бы бесконечно расточал свои трескучие комплименты, но слушать их Аните было неинтересно, она сделала знак Максиму, и супруги вышли из лавки.

Анита ожидала, что, перестав быть гадким утенком, она немедленно ощутит прилив бодрости и вернется в приятное расположение духа, однако ничего подобного не произошло. Напротив, едва они с Алексом очутились на улице, как снова накатило предчувствие чего-то дурного, угрожающего. Анита передернула плечами, точно ее охватил озноб, хотя солнце уже поднялось и утреннюю прохладу сменил полуденный зной. Башенные часы пробили двенадцать.

– Куда пойдём? – спросил Максим. – Времени у нас хватает, можем подняться на один из этих холмов...

Анита отказалась. Ей хотелось поскорее вернуться в меблированные комнаты герра Мейера, где она чувствовала себя в бо?льшей безопасности.

– Домой так домой, – покладисто согласился Максимов.

Он сделал шаг, как вдруг его рука с быстротой ящерицы скользнула в карман, где лежал револьвер.

– Вот он, прохвост! Сейчас я с ним побеседую...

Анита повернула голову вправо, и в поле ее зрения совсем на чуть-чуть показалась заросшая клочковатой бородой физиономия. Какой-то человек притаился за стеной ближайшего дома.

– Кто это?

– Ты не узнала? Это же тот болван, который чуть тебя не задавил!

Анита не была в этом уверена на все сто процентов. Хама-кучера она видела лишь мельком, не в лицо, но в Максимове уже пробудился охотничий азарт.

– Ты была права: за нами следят. Вот этот самый и следит... Ну, теперь-то я выясню, что ему от нас нужно. – Максимов вытащил револьвер.

– Алекс, прошу тебя: будь осторожен!

– Я всегда осторожен... Стой здесь и никуда не уходи.

Максимов метнулся следом за скрывшимся соглядатаем. Анита осталась стоять на тротуаре. За себя она не беспокоилась – разгар дня, центральная часть города, снуют прохожие, окна домов распахнуты. А вот волнение за Алекса присутствовало. У него голова горячая, он часто забывает об осторожности, а тот бородатый еще неизвестно кто таков и какие у него цели...

Максимов меньше всего думал об осторожности. Держа руку с револьвером за бортом пиджака, чтобы не слишком шокировать цюрихских обывателей, он бежал за обладателем клочковатой бороды, а тот во все лопатки удирал от него.

Максимов видел перед собой, шагах в двадцати впереди, его сгорбленную спину и заросший длинными спутанными волосами затылок. Бородач едва ли был моложе Максимова, но бежал достаточно быстро. И что примечательно – оглянулся всего один или два раза. Убедился, что преследователь не отстает, и как будто успокоился. Бежал себе и бежал дальше.

– Стой! – крикнул Максимов. – Остановись!

Окрик не возымел никакого действия. То ли остолоп не понимал французского, то ли притворился глухим.

Они сажень за саженью углублялись в паутину узеньких улочек, пробежали мимо жилых домов и патриархальных зданий цеховых гильдий, пересекали маленькие нарядные площади. Набережная Лиммата осталась далеко позади. Максимов начал тревожиться об оставленной Аните. Слишком долгое его отсутствие должно было ее насторожить. Еще, чего доброго, отправится на поиски, заплутает в незнакомом городе...

Затянувшуюся погоню пора была прекращать. Держа согнутую руку с револьвером у груди, трудно увеличить скорость. Максимов сунул оружие в карман и припустил, как на спортивной дистанции. Он рассчитывал, что таким манером догонит бородача в два счета. Но тот, услышав за спиной учатившийся дробот, тоже прибавил – да как! Тренированному Максиму не удалось сократить разделявшее их расстояние ни на аршин. Впрочем, оно и не увеличивалось, держалось прежним. Только тут в голове Максимова что-то щелкнуло, он стал подозревать, что лукавый бородач для чего-то нарочно уводит его за собой. Кажется, так же поступали в былые времена монголо-татары – показывались на глаза неприятелю, а после без особой прыти убегали, чтобы заманить его в ловушку. Где-нибудь в засаде сейчас скрывается пяток хорошо вооруженных лиходеев, готовых наброситься на увлекшегося беготней русского недотепу.

– погоди! – предпринял Максимов еще одну попытку вступить в переговоры. – Давай объяснимся... Я тебе ничего не сделаю! – И поскольку реакции опять не последовало, вконец разозлился: – Ах, так? Тогда стреляю!

И пальнул бы – для первого раза в воздух, потом по ногам, – но беглец не стал дожидаться кровавой развязки. Вот только что он был здесь, мельтешил перед

Максимовым – и внезапно его не стало. Максимов даже заметить не успел, куда тот подевался. Шмыгнул, вероятно, в какую-то подворотню, и поминай как звали.

Максимова охватила ярость. Столько пробежать по солнцепеку, покрыться с ног до головы липким противным потом – и все зря? Он сунулся в одну подворотню, в другую, окликнул копошившуюся во дворе с двумя детьми рыхлую швейцарскую бабу, хотел расспросить ее о бородаче, да только напугал своим взъерошенным видом и револьвером в руке. Ничего не добился, плюнул, проклял всех на свете швейцарцев и повернул обратно к Лиммату.

– Вот бес горбатый... куда завел! – зло бубнил он себе под нос на ходу и с брезгливостью поводил плечами под омерзительно мокрой сорочкой. – Надо было сразу пулю в зад... Из этих трущоб век не выберешься!

Выбрался. Помогли высоченные, как две каланчи, башни Гроссмюнстера. На них и шел, пока не очутился на берегу реки. Вот он, собор, вот тут должна была ждать Анита. Но ее не было. Максиму стало нехорошо. Рыскнул вправо, влево. На первый взгляд ничто не нарушало покоя, но по ускоренным шагам прохожих, по их сторожкому зырканию, по многочисленным силуэтам в окнах, за чуть отодвинутыми гардинами, стало ясно: совсем недавно здесь что-то случилось.

Максимов поднял с тротуара несколько зерен бисера. Такие же точно украшали обнову Аниты, купленную в лавке у напوماженного продавца.

И Максимов понял: стряслась беда.

Глава третья

С плеч долой!

Цюрихские сыщики. – Опрос свидетелей. – Снова в лавке. – Лицом вверх. – Ужас, которого не забыть. – Максимов размышляет. – Версия номер один. – Фраза, написанная корявым почерком. – Четверо в карете. – Дорога в неизвестность. – Старая колдунья. – О пользе безопасных булавок. Побег. – Отель «Мадлер». –

План Максимова. – Триста пятьдесят миль по прямой. – Кузнец Макмиллан и его детище. – Вероника получает затрещину. – В путь! – Несостоявшийся обмен. – Лесное логово. – Дубовый сук и пеньковая веревка.

Как обычно и бывало, в минуты сильнейших душевных потрясений Максимов не ударился в панику, а без промедления начал действовать. Сразу обратился в полицию: так, мол, и так, при невыясненных обстоятельствах пропала жена. Полицейские попались тупые, не знали по-французски. Покуда искали переводчика, покуда выспрашивали, что да как, прошло часа полтора.

С небольшим отрядом в четыре человека прибыли на место происшествия. Максимов насилу вдолбил им, что надо бы опросить жильцов близлежащих домов, чьи окна выходят на набережную. Кто-то наверняка что-то да видел. Тех, кто проходил в то время по улице, уже не допросить – ищи ветра в поле. Каких-либо следов, могущих пособить расследованию, тоже не отыскалось. Максимов вспомнил о торговце платьями. Его лавка располагалась вблизи от рокового угла, за которым Максимов увидел сутулого бородача, чтоб ему сдохнуть. Было ясно как день, что этот сутулый был послан, чтобы отвлечь от Аниты ее спутника. Злодеи желали, чтобы она осталась одна, а далее... Далее все покрывал туман неизвестности. И не было ни единого просвета. Ни единого предположения относительно того, кто и что измыслил против маленькой русской испанки.

Где она теперь и что с нею? Максимов скрежетал зубами, представляя себе сцены одна другой гнуснее. Полицейским его терзания были безразличны, служивые выполняли свою работу, а поделиться горем было больше не с кем.

Трое стражей порядка отправились по квартирам опрашивать свидетелей, а еще один вместе с Максимовым вошел в одежду лавку. Звякнул бубенчик, прикрепленный над дверью, но к посетителям никто не вышел. Максимов насупил брови, он был уже сыт по горло загадками и неожиданностями.

Полицейский что-то прокричал по-немецки и обвел рукою внутреннее пространство лавки. Здесь все было как в тот раз, когда Максимов заходил сюда с Анитой. Манекены – обнаженные и с натянутыми на них платьями. Зеркала на стенах, гравюры с изображениями жеманниц в экстравагантных нарядах. Максимов заглянул в заваленную пестрым тряпьем подсобку – там тоже не было

никого. Переглянулся с полицейским, тот кивнул на выход. Уже повернувшись к двери, Максимов боковым зрением углядел закуток, в котором Анита примеряла свою обновку. Подошел, отдернул шторку и увидел лавочника. Тот сидел на стульчике в углу, привалившись к стене, был обмякшим и недвижимым.

– Заснул, что ли? Эй, уважаемый!

Максимов коснулся плеча лавочника и мгновенно отдернул руку, потому что от этого легкого прикосновения тело торговца накренилось вбок, а голова с напыженными, пропахшими одеколоном волосами свалилась с шеи, повиснув на тонкой полоске кожи.

Максимов не раз бывал в переделках, воевал на Кавказе с горцами, видел всевозможные зверства, но сейчас его передернуло. Голова молодого человека была отрублена с одного взмаха чем-то дьявольски острым – саблей? тесаком? палашом? Убийца, безусловно, был в своем деле докой, к тому же обладал незаурядной физической силой, позволившей ему перерубить позвоночник, как тростинку. Из чудовищной раны вытекло много крови, но Максимов и его сопровождающий не сразу заметили ее, так как бархатная куртка, топорщившаяся на трупе, была того же багрового цвета.

Лоскут кожи под тяжестью головы лопнул, нелепый шар в лоснящихся завитках волос с костяным стуком упал на пол и покатился к ногам Максимова. Не докатившись вершка два, остановился. Вверх смотрело восковое лицо с распахнутыми глазами, полными ужаса.

Бледный полицейский, заикаясь, залопотал, принялся жестикулировать. Кажется, талдычил насчет того, что ему надо осмотреть все вокруг, составить описание. Максимов вышел на улицу, сделал несколько судорожных вдохов и выдохов. Картинка складывалась препоганая. Признаков грабежа в лавке нет, стало быть, череп напыженному снесли по другой причине. По всей вероятности, этот хлюст что-то знал. Что-то такое, чего полиции знать не следовало. А это значило, что в городе орудует банда не ведающих жалости маньяков, готовых уничтожить любого, кто представляет для них угрозу. И в их сатанинские игры почему-то оказалась вовлечена Анита. Едва ли она сама могла бы объяснить причины, и уж тем паче не знал их Максимов. Он догадывался лишь о том, что бородач, чуть не сбивший ее, возник неспроста и «королевское» платье им всучили не случайно... Иначе не валялась бы сейчас на полу голова незадачливого лавочника.

Минуту! А как насчет того, что все акты драмы разыгрались фактически в одном и том же месте – близ Гроссмюнстера? Здесь ошивался бородач, здесь находится лавка с безголовым мертвяком, и здесь же исчезла Анита... Максимов потер лоб. Припомнились утренние тирады герра Мейера: «Все меркнет в сравнении с Гроссмюнстером!.. Вы обязаны его увидеть!» Не с его ли подсказки они оказались в этом треклятом месте? А что, если квартирный хозяин тоже в сговоре с душегубами?

Максимову вдруг показалось, что лицо злодейского кучера, виденное доли секунды, походит на лицо герра Мейера. Вон и плечи такие же сутулые... Борода? Ее можно приклеить, а заодно нацепить и парик с длинными патлами.

Версия была шаткая, Максимов не стал делиться ею с полицией, решил проверить сам. Бешенство Рейхенбахским водопадом клокотало в нем. Проследовал прямо в каморку герра Мейера, который, в отличие от своих постояльцев, обитал отнюдь не в фешенебельной комнате, сгреб его без лишних эквивоков за грудки, хорошенько встряхнул. Прорычал, аки лев в африканских джунглях:

– Где моя жена? Куда ты ее дел?

Хитроватые глазки Магнуса Мейера превратились в глазищи, полезли из орбит. Он жалобно заблеял:

– Ваша жена? Господин... откуда я могу знать? Вы ушли с ней вместе... утром... я сам видел!

– Дураком прикидываешься? – Максимов приподнял тушку цюрихского бургера над полом. – Кто тебе приказал заманить нас к Гроссмюнстеру? Отвечай, скотина!

Бургер мелко трясся и полузадушенно сипел:

– Господин ошибается... я ничего не знаю! Мне никто не приказывал!..

– Gut, – произнес Максимов, наверное, даже без акцента и поставил герра Мейера обратно на пол. Перестал рычать, подпустил в голос ледяного холода,

который иногда навевает на людей куда больше жути, нежели крик: – Тогда вами займется полиция.

Герр Мейер не испугался. Оттянул пальцем воротник, поворожил шеей, перевел сбитое дыхание.

– Господин может жаловаться кому угодно. Я ни в чем не виноват. Меня в Цюрихе все знают, я на хорошем счету...

Что на это ответить? Максимов пришел в замешательство, умолк. Владелец меблированных комнат глядел на него такой невинной овечкой (даже притом, что нисколько не походил на овцу – скорее на упитанного теленка), что трудно было подозревать его в пособничестве убийцам. Но тогда придется признать, что единственная гипотеза, за которую можно было ухватиться, рассыпалась как песочный замок.

– Черт! Черт! – дал Максимов выход негодованию и шандарахнул кулаком по столу, на котором стояла большая глиняная кружка.

Из кружки выплеснулась изрядная порция темного пива, бурым озерцом растеклась по столешнице.

Отворилась дверь, на пороге стоял один из давешних полицейских. Он предложил Максиму проследовать за ним – появились новые сведения, которые, судя по хмурой роже блюстителя порядка, не относились к разряду обнадеживающих.

– Ваша супруга и правда пропала? – сочувственно спросил герр Мейер, когда Максимов выходил из каморки. – Мне очень жаль... Такая хорошая госпожа... Очень жаль...

В полиции Максиму сообщили, что опрос жильцов, чьи окна выходят на набережную Лиммата в непосредственной близости от кафедрального собора, дает возможность с большой долей уверенности предположить, что Анита была похищена. Свидетели попались сплошь немногословные, ссылались на забывчивость и отсутствие наблюдательности, посему выудить из них удалось немного.

Смуглая, дивно одетая барышня одиноко прогуливалась по улице. К ней подлетела карета с наглухо закрытыми оконцами, из кареты выскочили трое в длинных, доходивших почти до колен рубахах и широченных штанах, которые можно было принять за юбки. Они накинулись на барышню и в мгновение ока запихнули ее в свое транспортное средство. Она даже пикнуть не успела. Длиннорубашечники все делали споро и сноровисто. Дверцы захлопнулись, карета рванула с места в карьер и вскоре затерялась в хитросплетении цюрихских улиц. Все похищение заняло не более минуты. Что касается лиц похитителей, то здесь показания расходились, и составить сколько-нибудь определенные словесные портреты не представлялось возможным. Максимов высказал предположение, что обыватели напуганы произошедшим и не слишком охотно идут на контакт с полицией, опасаясь возмездия со стороны экзотических татей. Ему никто не возразил.

Полицейские прошлись по ближайшим дворам и улицам, это ровным счетом ничего не дало. Порядка ради прошарили баграми дно Лиммата, наткнулись на истлевшие останки двух бродяг, о социальном статусе коих можно было судить по отдельным вещам, сохранившимся при них. Но ничего похожего на утопленную русско-испанскую аристократку двадцати девяти лет от роду не обнаружили. Данное обстоятельство несколько ободрило упавшего духом Максимова. Имелись основания надеяться, что Аниту похитили не для того, чтобы тут же отправить на тот свет.

Побродив бесцельно по городу и ничего путного не надумав, он вернулся в дом герра Мейера. Шевельнулась идея зайти в каморку, извиниться за чересчур вольное обращение вкуче с элементами рукоприкладства. Но идею Максимов отбросил. Обойдется герр без извинений – чай, не голубых кровей. Не до расшаркиваний сейчас, надо думать, где искать Аниту и как ее выручить.

Сердце щемило, на душе лежал тяжелый камень. Максимов клял себя за то, что потащился в эту злосчастную поездку. Надо было сразу после Парижа ехать домой – в Петербург или в родную деревеньку, что затерялась в лесах Псковской губернии. И тогда бы ничего не случилось...

Обуреваемый мрачными думами, Максимов вошел в комнату, которую они сняли с Анитой. Когда перед взором предстала обстановка, в которой они провели сегодняшнюю ночь и так сладко, в одной постели, встретили утро, думы стали еще мрачнее. Максимов сел за стол, подпер кулаком подбородок, намеревался уставиться в окно, но показалось, что на столе что-то не так. Скосил глаза вниз.

Лист бумаги. Утром его здесь не было.

Максимов выдернул себя из сомнамбулического состояния, схватил листок. Записка! Одна-единственная фраза, написанная печатными буквами, нарочито корявым почерком, по-французски. Эта фраза заставила Максимова вскочить. Он больно ушибся лодыжкой о стул, со злостью пнул его, стул с грохотом полетел в угол.

Скорбеть и медитировать в одночасье расхотелось. С запиской в руке Максимов выбежал за дверь.

* * *

Внутри карета оказалась кошмарно неудобной. Аниту посадили на скамью, сделанную из необструганной доски, втиснули при этом между двумя мужланами так, что она в своем размашистом платье едва могла пошевелиться. Третий похититель сидел снаружи, на месте фореитора, правил запряженными в карету лошадьми. Его Аните не было видно, но этих двоих за мучительно долгие часы поездки она рассмотрела подробно. Окошки кареты были закрыты плотными кожаными заслонками, но в щелки пробивался свет, глаза вскоре привыкли к полумраку, и Анита увидела, что ее тюремщики обряжены в длиннополье рубахи с широкими, собранными на предплечьях рукавами. Еще и шаровары с мотыляющимися штанинами. Костюм свободный, но уж больно просторный.

У обоих конвоиров наличествовали закрученные кверху тонкие усы и буйная, смоляного цвета шевелюра. Между собой они переговаривались скупой, обронили всего несколько слов на непонятном наречии, а к Аните и вовсе не обратились ни разу. Лишь в самом начале, когда ее заталкивали в карету, а она, напрягая все силы, пыталась вырваться, один из них пролаял что-то грозное и, приподняв полу рубахи, показал торчавший за кушаком клинок устрашающих размеров. Анита поняла, что с дикарями лучше не спорить. Да и что она могла сделать одна против троих громил?

Похищение стало для нее полнейшей неожиданностью и произошло – в этом свидетели, опрошенные полицией, не солгали – с невероятной быстротой. Гуляла себе, никого не трогала, и вдруг – цокот копыт, скрип колес, а потом чья-

то смрадная мозолистая ладонь зажимает рот, мощные руки клещами схватывают с двух сторон, волокут в темный, покачивающийся на рессорах короб. И все, она – пленница. Пичуга, которая беспечно чирикала на ветке, а потом по воле бессердечных птицеловов угодила в силки. Кто пленил, куда и для чего везут – непонятно. Анита по первости долго и эмоционально возмущалась, награждала похитителей самыми затейливыми ругательными эпитетами на всех известных ей языках, но эти чучела словно воды в рот набрали. Сидели, тупо уставившись в стенку перед собой.

Фореитор был у них за главного. Именно ему передали ридикюль, который был отобран у Аниты, едва она очутилась в утробе кареты. Фореитор копнул крючковатыми пальцами содержимое, вынул нож в чехле, ухмыльнулся и вышел из кареты вместе с ридикюлем.

– Отдай! – потребовала Анита. – Как ты смеешь брать чужие вещи?

Ее призыв, понятное дело, остался без ответа. Куда фореитор дел ридикюль – выбросил или пристроил у себя на козлах, – Анита не знала. Щелкнул кнут, карета запрыгала по мостовой. С этого момента начался путь в неизвестность.

Анита терялась в догадках: кто эти разбойники? Почему они схватили именно ее? Если это обычные преступники, которым нужен выкуп, то в зажиточной Швейцарии есть люди и побогаче. Не похоже было, что они выбрали свою жертву по наитию – куда более вероятно, что нападению предшествовала слежка, которую Анита чувствовала с самого утра. И бородатый кучер увел Максимова за собой неспроста. Словом, Анита дедуктировала точно так же, как ее супруг, и тоже не пришла ни к каким определенным выводам. Когда удостоверилась, что взывать к похитителям и требовать от них объяснений – только впустую сотрясать воздух, затихла, притворилась дремлющей, и помыслы ее приняли иное направление. Стала думать, как отсюда выбраться.

К тому времени под колесами перестало гроыхать, зато амплитуда подпрыгиваний, невзирая на хорошие рессоры, увеличилась. Это означало, что карета выехала за пределы Цюриха и движется по проселочной дороге. Но куда? Было уже за полдень, Анита обратила внимание на то, что свет, просачивавшийся сквозь щели, в правом окошке кареты ярче, чем в левом. Значит, карета движется на восток. Анита представила себе карту Европы. Что там, к востоку от Швейцарии? Австро-Венгрия, владения императора Франца-Иосифа Первого, знакомство с которым состоялось не далее как вчера при

весьма волнительных обстоятельствах. Если взять севернее, можно попасть в Баварию, а южнее – в Италию. Но эти возможности Анита рассматривать не стала – интуиция подсказывала ей, что все так или иначе вертится вокруг вчерашних перипетий по дороге из Базеля в Цюрих. Мордами эти двое, что сжимали арестантку с боков, смахивали на того бандюгу, что накануне покончил с собой у железнодорожного полотна. И тарабарский диалект похож. Наверняка соплеменники, одна и та же нация.

С ридикюлем, в котором хранилось множество полезных аксессуаров, Анита чувствовала бы себя гораздо увереннее. Но ридикюль отсутствовал, с этим следовало смириться. При себе у нее не было ничего. «Королевское» платье да туфли на невысоком каблуке. Шляпка с лентой. Что еще? Пристегнутая к лифу безопасная булавка, подарок лавочника. Ее не отобрали – не факт, что долгополые знают даже, что это такое. А если и знают, то вряд ли рассматривают дамскую финтифлюшку как нечто для себя опасное.

Анита стрельнула глазами на одного соглядателя, затем на второго. Их позы уже не были напряженными, а веки то и дело надвигались на глаза. Дорога укачивала, клонило в сон. Анита стянула с рук тонкие кисейные перчатки (вполне объяснимое действие – жарко же!), осторожно переместила лежавшую на колене руку повыше, взялась за булавку, нажала. Немудрящий замочек легко расстегнулся. Вытащила острый конец из ткани. Это движение заставило того, который сидел справа, насторожиться. Анита поспешила спрятать руку с булавкой в складках платья. Чтобы как-то оправдать свое шевеление, другой рукой поправила на шее ожерелье.

Нет, они не заснут. Пойманная птичка представляет для этих людей большую ценность, тут и гадать нечего. Они будут стеречь ее со всей возможной бдительностью. Но они не знают, что теперь она вооружена и что в голове у нее уже родился план спасения.

В пору далекого испанского детства у Аниты была знакомая, она жила по соседству, и все в их маленьком городке на побережье Средиземного моря называли ее Лолой. Было ли то настоящее имя или невесть когда и как приклеившееся прозвище, никто сказать не мог. Большинство соседей считали ее отвратительной злобной старухой, поговаривали, что это последняя в Испании ведьма, чудом не попавшая на костер инквизиции. Лола знала тайны растений и минералов, а ее познания в медицине могли бы заинтересовать даже ученого лекаря. Анита была из тех немногих, у кого дряхлая, с трудом

передвигавшаяся колдунья вызывала не суеверный ужас, а жалость. Поняв это, старуха прониклась к соседской девчонке доверием, стала приглашать ее в гости. Аните страсть как нравились визиты в покосившуюся Лолину хибару, где с потолка свисали пучки сушеных трав и вечно пахло чем-то терпким и пряным. Лола делилась с нею секретами знахарского мастерства. Многие уже забылось, но кое-что Анита помнила.

Лола говорила, к примеру, что на теле человека есть определенные точки, воздействие на которые может как бы выключить весь организм – временно парализовать его. Одна из таких точек – старая ведунья именовала ее punto nervioso – находится на внутренней стороне руки, возле локтевого сгиба. Лола показывала ее Аните и поясняла: достаточно несильно кольнуть в этом месте иглой, и человек будет на тридцать-сорок минут обездвижен. И вот настала пора, когда ведьмина наука должна была пригодиться пытливой ученице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ruzh_aleksandr/chetvertyi-kogot-drakona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)